

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ЛОУРЕНС АРАВИЙСКИЙ

Т. Э. ЛОУРЕНС Б. ЛИДДЕЛ ГАРТ

Томас Лоуренс Аравийский

Лоуренс Аравийский

«Точинов Виктор»

Лоуренс Аравийский Т. Э.

Лоуренс Аравийский / Т. Э. Лоуренс Аравийский — «Точинов Виктор»,

Сборник посвящен легендарной фигуре Лоуренса Аравийского, некоронованного короля Аравии, знаменитого британского разведчика и талантливого ученого-востоковеда, теоретика и практика партизанской войны – полковника Томаса Эдуарда Лоуренса (1888–1935). В книгу включены автобиографическое произведение Т.Э. Лоуренса «Восстание в пустыне» и великолепное исследование Б. Лиддел Гарта «Полковник Лоуренс», дающее не только многоплановую картину превосходно организованной Лоуренсом малой войны против турецких войск, но и общее описание боевых действий на Ближневосточном театре Первой Мировой войны.

© Лоуренс Аравийский Т. Э.

© Точинов Виктор

Содержание

Предисловие	5
Из предисловия к изданию 1929 года («Восстание в пустыне»)	7
Из предисловия к изданию 1941 года («Полковник Лоуренс»)	14
Т.Э. Лоуренс	18
Прибытие в Джидду	18
Поездка к Фейсалу	23
Фейсал и его отряды	28
Неудачи у Янбу	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Т. Э. Лоуренс, Б. Лиддел Гарт Лоуренс Аравийский

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателя сборник включает две работы, посвященные боевым действиям на Среднем Востоке в Первую Мировую войну и антитурецкому восстанию арабов, организованному британской разведкой. В центре его – легендарная фигура полковника Томаса Эдуарда Лоуренса (1888–1935), «Лоуренса Аравийского», «некоронованного короля Аравии», выдающегося британского разведчика и талантливого ученого-востоковеда, теоретика и практика партизанской войны.

Полный вариант мемуаров Лоуренса, названный им «Семь столпов мудрости», вышел в Лондоне в 1926 году малотиражным нумерованным изданием и предназначался только для ограниченного круга друзей и поклонников автора. Из-за соображений объема для настоящего сборника взят авторский сокращенный вариант, известный под названием «Восстание в пустыне». Желающих ознакомиться с полным текстом мы можем отослать к изданию, выпущенному в 2001 году «Книжным клубом «Терра», а для понимания происходившего в Палестине и Аравии в 1914–1918 годах вполне достаточно и текста, публикуемого в настоящем сборнике.

В литературном отношении воспоминания Лоуренса представляют блестящее и стилистически безупречное произведение, ставящее своей целью в киплинговском духе осветить романтику и героизм колониальной войны на Востоке и «бремени белого человека». От произведенных автором сокращений оно ничуть не утратило своих литературных достоинств. Лоуренс дает не только исчерпывающую картину «восстания арабов», но и общее описание боевых действий на Ближневосточном театре Первой Мировой войны, в Палестине и Месопотамии. Помимо всего прочего, автор изнутри показывает тактику и стратегию действий Британии на Ближнем и Среднем Востоке, описывает методы работы британской разведки, дает живые и яркие описания жизни и быта местных арабов.

Работа известного английского военного историка Б.Г. Лиддел Гарта служит своего рода комментарием к воспоминаниям Лоуренса. Ведь деятельность знаменитого британского разведчика как нельзя лучше соответствовала представлениям самого Лиддел Гарта об идеальной войне, основанной на «стратегии не прямых действий». Неудивительно, что автор объявляет Лоуренса творцом новой теории войны и непревзойденным мастером в действии малыми силами на огромном пространстве. «Операции Лоуренса, – пишет он, – отличались подвижностью, повсеместностью, независимостью от баз и коммуникаций, отсутствием особенностей сухопутных войн, стратегических районов, определенных направлений, определенных пунктов».

Безусловно, тактика «бей и беги» как нельзя лучше отвечает критерию «стоимость – эффективность» и позволяет малыми силами и с минимальными потерями наносить противнику достаточно чувствительные удары. При этом нарушение коммуникационных линий – подрыв мостов, повреждение железнодорожного полотна, налет на перевалочный пункт материального снабжения – оказываются куда выгоднее непосредственного уничтожения живой силы противника.

Однако исход военного противостояния все-таки решается на фронте, а не во вражеском тылу. Очарованный своим героем и увлеченный возможностью на ярком примере подтвердить собственные теоретические взгляды, Лиддел Гарт старается не акцентировать внимание читателя на том, что развернутая Лоуренсом широкомасштабная партизанская война против турок

не привела к немедленной победе англичан и не помешала союзным силам потерпеть в Палестине и Месопотамии ряд унижительных поражений.

Тем не менее, проведенная Лоуренсом кампания стала не только важным событием в истории Первой Мировой войны, но и предвосхитила многие последующие события мировой военной истории. «Ни одна страна, – пишет Лиддел Гарт, – не может долго продержаться без железных дорог или вести войну без снарядов. То, что вчера делали арабы, завтра сможет таким же образом, но гораздо быстрее, сделать авиация... Разоружить – значит проявить большее могущество, чем убивать».

Увы, понять эту мудрость оказалось под силу далеко не всем...

Из предисловия к изданию 1929 года («Восстание в пустыне»)

Автор настоящей книги, по утверждению ряда современных английских авторитетов, является «самым замечательным из живущих ныне британцев». Лоуренс известен в Англии как «некоронованный король Аравии». Однако, помимо воли автора, книга дает яркие иллюстрации циничных методов британского империализма в азиатских странах, орудием и проводником которого являлся сам Лоуренс.

Весьма характерна судьба самого автора, разрушающая миф об «аполитичности» науки в буржуазных странах. Молодой ученый-ориенталист, посвятивший себя археологическим раскопкам в Сирии и Месопотамии, с началом империалистической войны становится одним из деятельнейших участников английской контрразведки в Каире, где организует пресловутое «Арабское бюро», ставшее в дальнейшем филиалом английского Форин Офис и центром руководства британской политики в арабских странах. Романтический любитель восточных древностей становится политическим агентом британских властей в Каире, на него возлагается подготовка арабского восстания против Турции. В то время как Лоуренс, по заданиям британского верховного комиссара в Египте Мак-Магона, внушал арабским вождям идею объединенной Аравии и звал их, под лозунгами панарабской федерации, к борьбе с турками (выполняя этим программу британского империализма на ближневосточном театре войны), другие британские агенты вели переговоры о разделе арабских стран между союзниками, после того как Османская империя будет разбита, и наследство «больного человека» станет добычей победителей. Характерно, что «романтический» Лоуренс, втиравший очки своим друзьям арабам, прекрасно отдавал себе отчет в том, что английские обещания арабской независимости имеют временное значение. Такого рода самопризнания имеются в ряде мест книги, которая в целом является ярким документом политики британского империализма на Востоке.

Читатель знает, какое важное значение имеют страны Аравийского полуострова в системе Британской империи. Именно здесь – через Красное море, Суэцкий канал и Средиземное море – проходит соединительное звено между Индийским и Атлантическим бассейнами, которые являются главными морскими театрами Британской империи. После постройки в 1869 г. Суэцкого канала стратегическое значение бассейна Красного моря для британского империализма чрезвычайно возросло, что и вызвало с 1882 г. оккупацию англичанами Египта и зоны Суэцкого канала, а в дальнейшем определило программу британской завоевательной политики на Аравийском полуострове, в Палестине и Месопотамии. Именно здесь находится центр имперских связей Англии, соединяющих метрополию с Индией, Австралией и британскими владениями в Тихом океане. Основной имперский морской путь, с базами в Гибралтаре, Мальте, Кипре, Суэцком канале, Периме и Адене наиболее уязвим в том пункте, где соприкасаются африканский и азиатский материки старого света. Здесь же проходит главный имперский кабель, соединяющий Англию с Индией, Австралией и Южной Африкой и проходящей только по британской территории «all red cable» («Сплошной красный кабель»). На английских картах британские владения обычно изображаются красной краской. В порте Суэц находится центральная нефтеналивная станция, снабжающая британский торговый и военный флот жидким топливом. Вблизи Каира расположена наиболее мощная имперская радиостанция (Абу Забал), через которую осуществляется связь Лондона с Канадой, Индией, Австралией, Южной Африкой и другими частями раскинувшейся Британской империи. Наконец, здесь проходит главная воздушная магистраль Британской империи: Лондон—Каир—Багдад—Басра—Карачи—Калькутта—Австралия. Здесь же должна пройти великая британская железнодорожная маги-

страль Капштадт—Каир—Карачи, которая должна связать воедино африканские и азиатские владения Британской Империи.

Представители «индийской школы» британской дипломатии, одним из наиболее ярких представителей которой являлся небезызвестный лорд Керзон, установили в качестве политической аксиомы, что основным условием защиты Индии как сердца Британской империи является владение подступами к ней (Тибет, Афганистан, Персия, области Передней Азии) или контроль над ними. Для представителей этой школы Каир, Суэц, Мосул, Багдад являются лишь британскими форпостами на подступах к Индии. Столпы консервативного империализма лорды Лендодаун и Керзон фактически превратили Персидский залив в английское озеро. Еще задолго до империалистической войны британские политики лелеяли планы утверждения британского господства в южной Персии, Месопотамии и Сирии, выставляя себя в качестве «наследников» в имуществе «больных людей»—Константинополя и Тегерана, когда эти последние, благодаря помощи европейских «докторов», окончательно развалятся.

Империалистическая война ускорила осуществление этих планов британской дипломатии. Известно, что, согласно послевоенному разделу, Англия получила мандат на Ирак (Месопотамию), Палестину и Трансиорданию (арабская область, расположенная к востоку и юго-востоку от Палестины и являющаяся буфером между областями центральной Аравии и зоной Суэцкого канала), а Франция получила мандат на Сирию. Остальные части Аравийского полуострова остались расчлененными на ряды независимых арабских государств (Хиджаз, Асир, Йемен, Неджд, Шаммар и т. д.), которые в той или иной степени являлись объектом британской политики и вели между собой непрерывную борьбу. Казалось, что англичанам удалось разложить национальное арабское движение и подорвать объединительные процессы и борьбу за национальное освобождение, которые эксплуатировались Англией в эпоху империалистической войны. События последних лет показали, что система британских мандатов и расчленения Аравийского полуострова — не прочна, и что в настоящее время арабское национальное движение, вырастая с каждым годом, становится наиболее опасным противником британского империализма в Передней Азии.

Военные успехи англичан на Ближнем Востоке, приведшие к разгрому Турции и разделу ее арабских областей, в значительной мере были обусловлены тем, что Англии удалось использовать рост арабского национального движения, который наблюдался еще до империалистической войны, чтобы направить его против Турции. Книга Лоуренса «Восстание в пустыне» дает ряд весьма ярких картин организации англичанами арабского фронта против Турции. Она освещает эти операции лишь под углом развития и торжества арабского национального движения, но совсем не говорит о том, как это движение эксплуатировалось британским военным штабом в его стратегических расчетах.

Вступление Турции в войну в октябре 1914 г. вызвало величайшие опасения в Лондоне. Руководители британской политики прекрасно учитывали, что война против союзников Турции, руководящей страны в мире ислама, возглавляемой султаном-халифом, может всколыхнуть против британского владычества многомиллионные мусульманские массы Индии и Египта. Благодаря принятым Англией мерам призыв к «священной войне» против неверных, выпущенный турецким халифом, не имел успеха в Индии и Египте. Англичане немедленно заняли Басру (главный порт Месопотамии, связывающий ее с Персидским заливом) и провозгласили свой протекторат над Египтом (18 декабря 1914 г.). Они приступают затем к лихорадочному укреплению Суэцкого канала, ожидая нападения на него со стороны германского флота, а также турок, и опасаясь в то же время возможного восстания в самом Египте. Эти опасения были весьма основательны. Действительно, уже в январе 1915 г. турецкая экспедиционная армия под начальством Джемаль-паши (морской министр в кабинете младотурок, член руководящего младотурецкого триумвирата) выступила из Палестины к Суэцкому каналу. Целью экспедиции являлось форсировать канал в месте расположения узлового пункта

Исмаилия, произвести десант на египетском берегу канала и поднять восстание в Египте против Англии. Эта экспедиция окончилась неудачей. Поход двадцатипяти тысячной армии через безводную Синайскую пустыню в условиях бездорожья и отсутствия баз (приходилось воду, продовольствие и боевые припасы везти с собой на верблюдах, на что требовалось свыше 10 000 животных) был чрезвычайно труден и обессилил экспедицию. Англичане сумели потопить понтоны, на которых должна была переправляться армия Джемаль-паши через Суэцкий канал. Туркам удалось перебросить в Исмаилию лишь один понтон, отряд которого был захвачен и интернирован англичанами. Несмотря на эту неудачу, турки продолжали в течение лета 1915 г. готовить вторую экспедицию против Суэцкого канала. Согласно планам Джемаль и Энвера (военный министр младотурецкого правительства) предполагалось укрепиться на западном берегу Суэцкого канала и прекратить по нему всякое сообщение путем обстрела из дальнобойных орудий. С этой целью из Константинополя были переброшены в Палестину германские аэропланы и австрийские гаубицы. Одновременно намечалось усиление турецкого гарнизона в Медине и создание там базы для возможных действий против африканского берега Красного моря.

Положение для союзников на Ближнем Востоке складывалось не блестящее. Попытки форсировать Дарданеллы весной и летом 1915 г. окончились неудачей. После гибели нескольких британских крейсеров и малоуспешных действий союзнического десанта операции в Дарданеллах решено было ликвидировать, а в январе 1916 года произошла эвакуация союзников с дарданелльского фронта в Салоники. Английские операции в Месопотамии также развивались неудачно. После занятия басрского вилайета английские части не могли выполнить намеченных операций против Багдада, и в апреле 1916 г. их экспедиционный корпус, под начальством генерала Таунсенда, осажденный в Кут-эль-Амара, был взят в плен турками. Приготовления Джемаль-паши против Суэцкого канала угрожали перерывом английских сообщений между Средиземным морем и Индийским океаном. Престиж Англии в странах Ближнего Востока был заметно поколеблен. Именно эта обстановка заставила англичан ускорить подготовку восстания арабов против Турции, которое и решило в значительной мере исход операций на этом театре войны.

Новым союзником Англии оказался шериф Мекки Хуссейн, переговоры с которым были начаты с июля 1915 г. британским верховным комиссаром в Египте Мак-Магоном. К началу 1916 г. торг был заключен. Англия обещала Хуссейну независимость арабских областей Оттоманской империи и создание самостоятельного арабского государства, во главе с Хуссейном. Этот план был разработан так называемым «Арабским бюро», которое было организовано при британском военном штабе в Каире Лоуренсом и окончательно сформировалось весной 1916 г. Переговоры между Мак-Магоном и Хуссейном, облеченные в форму писем, оставили открытым вопрос о границах будущего арабского государства. Хуссейн отказался от своих притязаний на Мерсину и Адану (южная часть турецкой Анатолии) и согласился на временную оккупацию англичанами Багдада и Басры, с тем чтобы отложить определение границ будущего арабского государства до момента окончания войны.

Уклончивость англичан была принята. Как раз в это время они вели переговоры с французским правительством о разделе арабских областей Турции, и в феврале 1916 г. состоялось секретное англо-французское соглашение (так называемое соглашение Сайкс – Пико), по которому был установлен раздел арабских областей и зон влияний между Англией и Францией. Именно здесь весьма ярко проявились традиции английской дипломатии («десница и шуйца британской дипломатии»), которая во славу британского короля подписывает правой и левой рукой документы и соглашения достаточно противоречащего характера. В этом эпизоде роль левой руки (соглашение с французами) сыграл сэр Марк Сайкс, а роль правой руки (соглашение с арабами) – Мак-Магон и «романтический» Лоуренс.

Дальнейшие события хорошо известны. В июне 1916 г. Хуссейн, провозгласивший себя несколькими месяцами позже королем Хиджаза, поднял восстание против Турции и занял Мекку. Этим его успехи и ограничились, так как попытки арабов захватить укрепленную турками Медину окончились неудачей. «Арабское восстание» начинало уже приобретать характер блефа. В то же время (с июля 1916 г.) развернулась вторая экспедиция Джемаль-паши против Суэцкого канала. Все это требовало принятия чрезвычайных мер. И вот осенью 1916 г. в Джедду был направлен Лоуренс для переговоров с королем Хуссейном об «организации» планового арабского восстания. Лоуренс добивается разрешения Хуссейна посетить штаб его сына Фейсала, руководившего операциями против Медины, завоевывает доверие последнего и убеждает его реорганизовать армию.

Во всех последующих операциях арабов, формально возглавлявшихся Фейсалом, Лоуренс играл роль действительного руководителя и начальника арабского штаба. Его задачей было расширить фронт сопротивления арабов, включив в него северные племена, для того чтобы оттянуть турецкие силы и распылить их фронт. Другой задачей Лоуренса являлось уничтожить железнодорожную связь турецких армий с Хиджазом, изолировать Медину и захватить центральный железнодорожный узел Маан. Лоуренс продвигается в глубь турецкого тыла в Сирии, и при помощи арабских племен Ховеитат организует прорыв с севера к порту Акаба, который и был занят арабами 6 июля 1917 г. Через Акабу организуется снабжение из Египта военными припасами и продовольствием арабских вооруженных сил. Именно из Акабы, ставшей базой англо-арабского фронта, в течение 1917 и 1918 гг. организуется арабское наступление к Дамаску, параллельно продвижению английских армий из Египта через Синайский полуостров и Палестину.

После неудач английских операций весной 1917 г. против Газы, защищавшейся Джемаль-пашой, куда были брошены британские танки и направлен огонь дальнобойных орудий британских крейсеров с моря, британское командование на Ближнем Востоке сменяется. Вместо отозванного генерала Меррея назначается генерал Алленби, переброшенный с европейского западного фронта. 1917 г. является годом британских успехов в Ираке и Палестине. Англичане прочно укрепляются в Багдаде и наносят решительное поражение турецкой армии на верхнем Тигре. Одновременно Алленби подготавливает наступление из Египта, проводя железные дороги через пустыню и строя артезианские колодцы. Осенью 1917 г. он начинает тщательно подготовленное наступление двухсоттысячной армии, закрепляя свой тыл немедленной прокладкой железнодорожного пути. В ноябре и декабре 1917 г. Алленби занимает всю южную Палестину до Мертвого моря, включая Газу, Яффу и Иерусалим. Однако немецкое наступление на западном европейском фронте весной 1918 г. заставило британское командование перебросить часть войск Алленби во Францию, что приостановило его дальнейшее продвижение в Палестине. Именно в этот период особую помощь англичанам оказали операции арабских частей и экспедиций Лоуренса. Сам Лоуренс специализировался на взрыве турецких железных дорог и захвате поездов, причем ему почти удалось отрезать турецкие армии в Палестине (Джемаль-паши и Лимана фон Сандерса) от их базы в Дамаске.

Решающей фазой империалистической войны на западных и восточных фронтах явился сентябрь 1918 г., к которому было приурочено исподволь подготовленное наступление союзников на основных направлениях. 15 сентября началось наступление командующего союзными армиями на Балканах Франше д'Эспрэ, которое закончилось капитуляцией Болгарии (28 сентября). Одновременно произошел прорыв союзниками «линии Гинденбурга» на западном европейском фронте. В то же время началось решительное наступление Алленби на палестинском фронте, на всем протяжении от Средиземного до Мертвого моря. В трехдневном сражении с 19 по 21 сентября Алленби удалось разгромить турецкие армии, ослабленные перебросками на северный фронт (как раз в это время Энвер-паша, преследуя свои мегаломанские планы, перебрасывал турецкие части из Сирии в Закавказье, на завоевание Армении и пер-

сидского Азербайджана). Разгромленная палестинская армия турок беспорядочно отступала к Дамаску, уничтожаемая обстрелом из орудий, бомбардировкой с аэропланов и нападениями арабских партизан, под руководством Лоуренса (который с каким-то смакованием описывает сцены физического истребления турок). Лоуренс заканчивает картину борьбы занятием арабами Дамаска и описанием первой «ночи свободы», которую пережило население Дамаска. Как известно, на следующий день английские армии Алленби оккупировали Дамаск. Турция, терпевшая на балканском, сирийском и иракском фронтах, капитулировала (31 октября 1918 г.). Германия сложила оружие. Предстояло подведение итогов империалистической бойни.

Арабское «независимое» правительство короля Фейсала в Сирии просуществовало два года (до июля 1920 г.), когда войска французского генерала Гуро заняли Дамаск. Оно существовало только потому, что в англо-французской борьбе за Сирию британская дипломатия считала выгодным поддерживать своего союзника Фейсала против французов, мотивируя это «защитой арабских интересов». Французы настаивали на передаче им Дамаска, ссылаясь на соглашение Сайкс – Пико. После изгнания Фейсала из Сирии и оккупации французами Дамаска британское правительство предложило Фейсалу, в виде компенсации, вакантный трон Ирака.

Результаты арабского восстания хорошо известны. Обещания Лоуренса и письма Магона Хуссейну не оказали никакого влияния на решения послевоенных конференций, определявших судьбу Турции и ее арабских областей. Напрасно король Хуссейн отказался от ратификации версальского договора (1919 г.) и тщетно добивался выполнения Англией ее обещаний, не соглашаясь подписать англо-хиджазский договор, санкционировавший отказ Хуссейна от Палестины, Трансиордании, Сирии и Ирака, хотя сам Лоуренс приезжал его «уговаривать». На совещании союзников в Сан-Ремо в апреле 1920 г. был произведен окончательный раздел мандатов. Чтобы примирить с собой Хуссейна, британское правительство посадило его сыновей – Фейсала на трон Ирака и Абдуллу на трон Трансиордании. Палестина, согласно декларации Бальфура от ноября 1917 г., была превращена в еврейский «очаг» и центр сионистической политики Англии (перестраховка на случай борьбы с арабами). Зона Суэцкого канала при этой системе охранялась от ставшего опасным арабского национального движения и буферным государством под мандатом Англии.

Британская политика территориальных захватов на этом не остановилась. Летом 1925 г. Англия, воспользовавшись междоусобной войной Хиджаза и Неджда, захватывает хиджазскую область с портом Акаба и железнодорожным узлом Манн, включив последние в подмандатную территорию Трансиордании и имея в виду превратить Акабу в головной участок трансаравийской железнодорожной магистрали на Басру, чтобы связать Египет и британские мандатные территории в одно целое.

Послевоенное укрепление Англии в странах арабского Востока и захват ею важнейших стратегических баз не создали полных гарантий для прочности британских имперских планов в Передней Азии. За последние годы арабский национализм, который после войны Англия стремится всемерно притушить, становится все более серьезным фактором политической обстановки на Востоке. Не говоря уже о восстаниях в мандатных территориях (в Ираке в 1920 г., в Палестине и в Сирии в 1925 г.) арабское движение начинает интенсивно развиваться в Центральной Аравии. Это движение основано на ряде чисто экономических факторов: с одной стороны, переход кочевников к земледелию, а с другой – борьба за торговые пути и выходы к морю. Центральная Аравия (султанат Неджд) отрезана от Персидского залива рядом английских протекторатов, из которых наиболее важным является Кувейт, являющийся естественным портом для Центральной Аравии. Выходы к Средиземному морю для Неджда закрыты мандатными территориями Англии и Франции. От Красного моря он отрезан Хиджазом. Борьба за торговые пути бедуинов Центральной Аравии (они называются ваххабитами в виду их принадлежности к секте ваххабизма, являющейся толком мусульманского пуританизма) опреде-

лили собой политику экспансии, проводимую султаном Неджда Ибн-Саудом в послевоенный период. Несмотря на ряд попыток Англии удержать путем ряда соглашений (1915, 1922, 1925 и 1927 годов) в рамках Неджда арабское движение, угрожающее ее подмандатным территориям, эта экспансия продолжает развиваться, являясь выражением тенденций к национальному объединению, которые зреют на Аравийском полуострове. В течение последних лет Неджд присоединил к себе область Шаммар, часть Асира и завоевал Хиджаз, глава которого Хуссейн, ввиду своей англофильской политики и хищнического управления страной, не мог организовать вокруг себя сопротивления бедуинам Центральной Аравии.

В настоящее время на Аравийском полуострове имеются лишь два независимых арабских государства: объединенное государство Неджд, Хиджаз и присоединенные области, с одной стороны, и Йемен – с другой. Вся британская политика и международное соперничество империалистических держав на арабском Востоке определяются борьбой за влияние на эти два независимых государства. Политикой Англии до последнего времени являлось вызывать трения между Йеменом и Недждом и втягивать их в затяжную войну. Этим она рассчитывала отвлечь внимание Неджда от экспансии в сторону подмандатных территорий Ирака, Палестины и Трансиордании и в то же время удержать Йемен от нападения на британские владения в Адене. Положение осложняется англо-итальянским соперничеством в Красном море и попытками Италии утвердить свое влияние в Йемене для того, чтобы заставить Англию пойти ей на уступки в других вопросах,

Однако империалистическая программа на Аравийском полуострове взрывается изнутри тенденциями к сближению между Недждом и Йеменом. Ибн-Сауд и имам Яхья (король Йемена) уже договариваются о мирном сотрудничестве и защите общих интересов против империализма. Именно это заставляет британский империализм снова перевооружаться и укреплять свои стратегические позиции на арабском Востоке. Недаром газеты время от времени сообщают об опасности вооруженного конфликта между Англией и независимыми государствами Аравийского полуострова, причем сообщается о воздушных бомбардировках с британских аэропланов тех или других «непокорных» племен (основой британской военной силы на арабском Востоке являются воздушные эскадры; из 86 воздушных эскадр Британской империи в Ираке находится 8, в Египте, Палестине и Трансиордании – 4, в Адене – 1).

Одновременно с подготовкой военных действий Англия пытается обезопасить свои позиции на Аравийском полуострове путем заключения договоров с Недждом и Йеменом. Эти договоры в основном направлены на гарантию границ британских мандатных территорий и протекторатов на ближнем Востоке. Несмотря на наличие этих договоров, искусственные послевоенные границы, нарушающие традиционное передвижение кочевых племен и торговый оборот, беспрестанно нарушаются, вызывая и новые осложнения и конфликты (один из последних конфликтов – так называемое объявление «священной войны» Ибн-Саудом британским мандатным территориям в марте 1928 г.).

Проведенная послевоенными соглашениями локализация арабского Востока не прочна. Она находится в грубом противоречии с теми процессами национального арабского объединения, которые продолжают развиваться, несмотря на искусственные перегородки. Британская стратегическая схема, основанная на мандатах, расположена на «зыбучих песках Аравийской пустыни», как отметил один из наиболее дальновидных британских политиков в Аравии. Эта схема с каждым годом расшатывается и, несомненно, будет взорвана изнутри подлинным «восстанием в пустыне», которое на этот раз будет направляться непосредственными интересами арабского национализма, без участия «некоронованных королей Аравии», подобных талантливому авантюристу Лоуренсу.

Знакомясь по прессе и журналам с современными событиями в Аравии, читатель, вероятно, встретится с именами действующих лиц, изображенных в книге Лоуренса. Ряд «героев»

сошел со сцены. Мак-Магон почил на лаврах, и, как сообщают британские справочники, занимается охотой и катается на яхте. Начальник британской разведки в Египте Клейтон получил титул лорда и сделался дипломатом. За последние годы он является главным английским специалистом по переговорам и по заключению договоров с арабскими государствами. Алленби получил назначение на пост верховного комиссара в Египте и отличился расправой с египтянами в 1924 г. во время убийства британского командующего египетской армией сердара Ли Стака, после чего было сочтено за благо заменить его менее «заметным» лицом (Джорджем Ллойдом). Сам Лоуренс отошел от политической жизни, и, переименовав фамилию (он принял имя Шоу, заявив, что прежнее имя скомпрометировано послевоенной британской политикой в Аравии и нарушением обещаний арабскому народу), служит в рядах индийской армии, считая, по-видимому, что колониаторская политика Англии в Индии не компрометирует честного ориенталиста.

Читатель зато встретит в современных событиях в Аравии ряд лиц (Ибн-Сауд, имам Яхья и др.), лишь бегло упоминающихся в книге Лоуренса, которая не затрагивает Неджда и Йемена, выдвинувшихся за последнее время на передний план в определении политических судеб арабского Востока.

Труд Лоуренса, посвященный описанию политических событий, дает достаточно хорошее представление также о климатических, бытовых и отчасти социальных условиях современной Аравии. К сожалению, выходящий в русском переводе труд Лоуренса подвергся в этой части значительным сокращениям, что, однако, сохраняет за русским изданием ценность его как исторического документа и блестящего приключенческого романа.

Для удобства читателя, не занимающегося специально Востоком, перевод снабжен рядом разъяснительных подстрочных примечаний.

Из предисловия к изданию 1941 года («Полковник Лоуренс»)

Аравийский театр войны имел свои исключительные особенности и трудности. Они заключались в отсутствии хороших шоссейных и грунтовых дорог, в сыпучих песках, жарком климате, недостатке в источниках воды. Огромные размеры малонаселенной пустыни вынуждали заготавливать продовольствие и фураж только в оазисах. Все это и заставляло командование английских вооруженных сил почти топтаться на месте в первый период войны. Англичане вынуждены были строить железные дороги и артезианские колодцы, для того чтобы обеспечить снабжение действующих войск водой, продфуражом и боеприпасами. Этими же особенностями театра войны объясняются огромные усилия британского правительства по организации восстания арабов в тылу турок с целью общего ослабления сил противника.

Важнейшей стратегической задачей английского империализма в Аравии во время мировой войны 1914–1918 гг. было нарушение нормального функционирования Хиджазской и Дамасской железных дорог. Эти дороги служили основной артерией снабжения турецкой армии в Палестине и Аравии. Такую важную стратегическую задачу могли выполнить с успехом только повстанческие отряды арабов, снабженные английским вооружением и посаженные на верблюдов. Верблюды, способные переносить 100-километровые переходы в суровой и безводной пустыне, позволяли отрядам арабов совершать продолжительные переходы независимо от водных источников и баз. Подвижность и независимость повстанческих отрядов арабов от баз снабжения объяснялись еще и тем, что верблюды находились па подножном корму и, кроме того, везли на себе для всадника 40 фунтов муки. Это был почти десятидневный паек араба.

Нет никакого сомнения в том, что регулярные британские войска, привязанные к своим базам, находившимся очень далеко от Хиджазской и Дамасской железных дорог, не могли разрушить эти дороги. Они также не могли отвлечь и рассредоточить неприятельские силы. С этим могли справиться только мелкие, но подвижные и способные везде и всюду передвигаться отряды. В выполнении этих основных стратегических задач английских империалистов и заключалось огромное значение восстания арабов. Кроме того, восстание арабов, на которое англичане переложили в основном всю тяжесть борьбы с турками, позволило Британской империи не отвлекать значительные свои силы с Западного театра войны.

Руководящую роль как в организации, так и в дальнейшем руководстве восстанием арабов играл Лоуренс. Не удивительно поэтому стремление определенных кругов Англии возвеличить личность полковника Лоуренса и сделать его чуть ли не национальным героем. Буржуазный военный писатель Лиддел Гарт в своей книге также отражает эти стремления, идеализирует Лоуренса и далеко не объективен в оценке его способностей и личных качеств.

По Лиддел Гарту Лоуренс являлся единственным способным и талантливым полководцем, который оказался в состоянии справиться с задачами, стоявшими перед британским империализмом на Аравийском Востоке. Он сумел превратить «силу турок в их слабость и слабость арабов в их силу». Если бы не было налицо тех глубоких социальных противоречий внутри Турецкой империи, которые ослабляли Турцию и составляли силу арабов, то никому бы не удалось обмануть арабов и направить их восстание против турецкой армии. Почва для восстания была в самой системе Турецкой империи.

Поскольку почва для восстания была достаточно накалена, то, не будь Лоуренса, какой-нибудь другой представитель Англии выполнил бы эту задачу. Нужно отдать должное Лоуренсу в том, что он глубоко и больше чем кто-либо другой изучил быт, нравы, религию арабов и прекрасно знал их язык. Он изъездил почти всю Аравию до начала войны, тщательно изучил состояние арабских племен и имел ряд индивидуальных качеств, нужных разведчику. Все это

и позволило Лоуренсу выдвинуться в первые ряды организаторов восстания арабов и получить большую известность, чем кто-либо другой.

Предположение замены принципа сосредоточения основных сил на решающем направлении «неуловимым, вездесущим распределением сил» является глубоко ошибочным. Те же примеры использования арабских повстанческих сил, действия которых на аравийском театре носили вспомогательный характер, а решающую роль в нанесении сокрушительного удара на турецкую армию все же сыграли регулярные войска Алленби, – доказывают невозможность замены первого принципа вторым. «Разрушительные действия неуловимых масс» Лоуренса наносила материальный ущерб турецкой армии. Они заставили турок усилить охрану железных дорог, способствовали рассредоточению их сил и, понятно, ослабляли силы турок на решающем направлении. Однако «неуловимые массы» не могли нанести сокрушительный удар регулярным войскам турок и закрепить достигнутый успех.

Партизанская война в сочетании с действиями регулярных войск имеет, безусловно, огромное значение. Но все эти действия не могут являться решающим фактором и носят только вспомогательный характер. Из вышеизложенного становятся ясно, что принцип применения «неуловимых масс» без определенных операционных направлений не может заменить испытанный принцип сосредоточения главных сил на решающем направлении. Первый принцип является только необходимым дополнением последнего там, где это позволяет обстановка. Партизанская война мыслима только при определенных конкретных условиях.

Заслуживает внимания подробный разбор автором оперативного искусства командования британских войск на аравийском театре войны при штурме укрепленных позиций турок у Газа и Беершеба. Эти позиции, как известно, являлись воротами для продвижения британских войск в Палестину. Наибольший интерес а этой операции представляет активный и хорошо продуманный план дезинформации, выработанный британским офицером разведки Майнертцхагеном. Благодаря осуществлению его плана, командование турецкой армии было введено в заблуждение и вынуждено рассредоточить свои силы, тем самым облегчило достижение успеха английскими войсками. Значительную роль в отвлечении сил противника сыграл небольшой, но хорошо вооруженный отряд арабов на верблюдах под командованием Ньюкомба. Этот отряд своим неожиданным появлением в Эс-Самуа, в 35 км к северо-востоку от Беершеба, и активными действиями по Хевронской дороге создал стратегический мираж. В воображении турецкого командования рисовалась картина наступления главных сил британских войск по Хевронской дороге прямо на Иерусалим. Появление отряда Ньюкомба и небольшого отряда британской конницы в тылу и на фланге турок заставило командование турецкой армии направить из своего общего резерва одну дивизию на фланг у Хеврона. Туда же были переброшены резервы из сектора Шерпа, где как раз и наносился британским командованием главный удар. Поучительной стороной этой операции является хорошо разработанный оперативный план, важнейшими элементами которого были: соблюдение скрытности сосредоточения и сочетание мощного удара с внезапностью.

С точки зрения оперативного искусства исключительный интерес представляют XIV, XV и XVI главы книги. В них автор подробно описывает знаменитую операцию британских войск в Палестине. Эта операция по своей величине и размаху, по использованию арабских регулярных и иррегулярных войск для нанесения вспомогательного удара в Трансиордании по своим результатам была самой решающей в этой войне. После нее турецкая армия уже перестала быть серьезной силой и, вынужденная непрерывно отступать, несла большие потери от аравийских повстанцев.

Не менее интересным является хорошо задуманный и разработанный до мельчайших подробностей оперативный план главнокомандующего британскими силами в Палестине Алленби. Оперативный план Алленби предусматривал:

1. Отвлечение внимания и сил турецкого командования путем демонстративного передвижения незначительных британских сил на восток к р. Иордан и вспомогательным ударом арабских регулярных войск и партизан с востока в направлении Дерья, наряду с общей активизацией сил арабов для нажима с юга.

2. Внезапный мощный удар с целью прорыва фронта с последующим вводом конницы для глубокого обхода противника, с тем чтобы преградить ему пути отступления на север, тем самым вынудив его отходить на восток через р. Иордан.

Методы дезинформации противника, примененные в этой операции Лоуренсом и Алленби, являются наиболее поучительными. Так, они вели заготовку большого количества продфуражного запаса при марше верблюжьего корпуса от Азрака на Амман. Одновременно с этим распространялись ложные слухи о том, что верблюжий корпус является только авангардом войск Фейсала, что заготовка продфуража производится для его главных сил, которые скоро начнут наступление на Амман.

Заготавливая продфураж в районах к востоку от р. Иордан, англичане одновременно распространяли ложные слухи о предстоящем приходе; с запада британской конницы в районы заготовок. Установив связи с офицерами-арабами в турецком штабе, Лоуренс предупреждал о якобы предстоящем ударе англичан с запада через р. Иордан на Амман. Составляя ложный план атаки Мадаба, Лоуренс и Алленби привлекли к этому вождя племени Зеби, учитывая его заигрывание с турками и рассчитывая на его болтливость. Организовав демонстративный прорыв на Амман небольшими, но хорошими силами, Лоуренс и Алленби проводили ложные дневные передвижения войск в сторону р. Иордан.

Все эти методы дезинформации являлись необходимыми элементами в обеспечении внезапности главного удара Алленби в Палестине и вспомогательного удара арабов на Дерья.

Турецкая армия настолько была введена в заблуждение, что когда к ней поступило от перебежчика правдивое сообщение о действительном намерении Алленби, оно показалось ей преднамеренной дезинформацией англичан. Таким образом, хорошо продуманная и умело организованная дезинформация явилась одним из решающих факторов сокрушительного удара, нанесенного британскими войсками.

Описанные Лиддел Гартом тактические приемы Лоуренса при сражениях у Абу-Эль-Лиссал и Тафила также представляют значительный интерес. Однако при описании боевых действий автором допущена тенденциозность в отношении преуменьшения действительных размеров потерь со стороны арабов. Нельзя верить, что в бою в районе Абу-Эль-Лиссал потери со стороны арабов исчисляются двумя убитыми, тогда как турки потеряли 300 человек убитыми и 160 ранеными.

Автор объясняет огромные потери турок идеальной организацией внезапной атаки Лоуренса. Однако при внимательном анализе хода боя становится ясно, что потери арабов были умышленно преуменьшены или Лоуренс просто не занимался подсчетом потерь арабов.

Большое значение Аравийского полуострова в системе Британской империи для читателя вполне очевидно. После постройки в 1869 г. Суэцкого канала и оккупации англичанами Египта стратегическое значение Красного моря и Аравийского полуострова для британского империализма еще больше возросло. Аравийский полуостров стал тем звеном, которое через Красное и Средиземное моря и Суэцкий канал соединяет бассейны Атлантического и Индийского океанов – главные морские пути сообщения Британской империи со своими колониями. Постройка Суэцкого канала и последующая оккупация Египта, создание мощной военно-морской базы в Гибралтаре и на островах Мальта в Кипр укрепили позиции Англии и в бассейне Средиземного моря.

Характерно, что полковник Лоуренс, втиравший очки своим «друзьям», прекрасно отдавал себе отчет в том, что английские обещания арабской независимости имеют временное зна-

чение. Такого рода самопризнания имеются в ряде мест книги «Восстание в пустыне», автором которой является сам Лоуренс.

Т.Э. Лоуренс Восстание в пустыне

Прибытие в Джидду

Когда мы, наконец, встали на якорь во внешней гавани Джидды, над нами под пламенеющим небом повис белый город, отражения которого пробегали и скользили миражем по обширной лагуне. Зной Аравии словно обнажил свой меч и лишил нас, обессиливая, дара речи. Был октябрьский полдень 1916 г. Полуденное солнце, подобно лунному свету, обесцветило все краски. Мы видели лишь свет и тени, белые дома и черные провалы улиц. Впереди, во внутренней гавани, бледный, мерцающий блеск тумана, а дальше на многие мили ослепительная яркость безбрежных песков, бегущих к гряде низких гор, слабо намечающихся в далеком мареве зноя,

Как раз на север от Джидды была расположена вторая группа черно-белых зданий. Они дрожали в зное, словно от толчков поршня, когда судно качается на якоре, и перемежающийся ветер вздымает горячие волны.

Полковник Вильсон, британский представитель при новом арабском государстве, выслал за нами свой баркас, и мы отправились на берег. По дороге в консульство мы прошли мимо белокаменной кладки еще строящегося входа через тесные ряды рынка. В воздухе роились мухи, перелетая от людей к финикам, от фиников к мясу. Они плясали, точно частицы пыли в полосах солнечного света, пронизывающих самые темные закоулки хижин через скважины в настиле, в холщовых занавесах. Воздух был горяч, как в бане.

Мы добрались до консульства. В затененной комнате, с открытой решеткой позади него, сидел Вильсон, готовый приветствовать морской бриз, запаздывавший вот уже несколько дней. Он сообщил нам, что ишан¹ Абдулла, второй сын Хуссейна, великого ишана Мекки,² только что вступил в город.

И я и Рональд Сторрс³ пересекли от Каира Красное море, чтобы встретиться с Абдуллой. Наше одновременное с ним прибытие было большой удачей, и казалось благоприятным предзнаменованием, ибо Мекка, столица ишана, была не доступна для христиан, а трудную задачу Сторрса не мог бы разрешить телефонный разговор.

Мою поездку следовало рассматривать как увеселительную. Но Сторрс, секретарь по восточным делам резиденции в Каире, являлся доверенным лицом сэра Генри Мак-Магона⁴ во всех щекотливых переговорах с ишаном Мекки. Счастливое сочетание его знания местных условий с опытностью и проницательностью сэра Генри, а также с обаятельностью генерала Клейтона⁵ производили такое впечатление на ишана, что этот крайне недоверчивый человек принимал их сдержанное вмешательство как достаточную гарантию для того, чтобы начать восстание против Турции. Он сохранял веру в британский авторитет в течение всей войны, которая изобиловала сомнительными и рискованными положениями. Сэр Генри являлся правой рукой Англии на Среднем Востоке до тех пор, пока восстание арабов не стало фактом. Сэр Марк Сайкс был ее левой рукой. И если Форин-Офис поддерживал бы взаимный обмен инфор-

¹ Почетный титул, обозначающий потомков Мухаммеда и дающий ряд административно-религиозных прав.

² Титул правителя Мекки, назначавшегося турками из местных ишанов. Хуссейн захватил Мекку 5 июня 1916 г.

³ Восточный секретарь британского верховного комиссара в Египте.

⁴ Первый британский верховный комиссар в Египте (1914–1916 гг.).

⁵ Руководитель британской разведки в Каире и непосредственный начальник Лоуренса.

мации со своими доверенными лицами, то наша репутация в смысле честности не пострадала бы так, как это случилось.

Абдулла, верхом на белой кобыле, окруженный стражей из великолепно вооруженных пеших рабов, медленно подъехал к нам при безмолвных, почтительных приветствиях всего населения города. Он был упоен и счастлив своим успехом при Таифе.⁶ Я видел его впервые, между тем как Сторрс, его старый друг, был с ним в наилучших отношениях.

Вскоре, когда они заговорили друг с другом, я понял, что Абдулле была свойственна постоянная веселость. В его глазах таилось лукавство, и, несмотря на свои тридцать пять лет, он уже толстел. Последнее, возможно, происходило от того, что он много смеялся. Он самым непринужденным образом шутил со своими спутниками.

Однако, когда мы приступили к серьезной беседе, с него как бы спала маска веселости, он тщательно подбирал слова и приводил всякие доводы. Разумеется, он спорил со Сторрсом, который предъявлял к своему оппоненту очень высокие требования.

Мятеж ишана шел неуспешно в течение нескольких последних месяцев (он стоял на мертвой точке, что при нерегулярной войне является прелюдией к поражению). Я подозревал, что причиной этого было отсутствие руководства – не в смысле ума, осмотрительности или политической мудрости: здесь не было разжигания энтузиазма, которым могли бы воспламенить пустыню. Мой приезд и должен был, главным образом, найти все еще неизвестную главную пружину всего дела, а также определить способность Абдуллы довести восстание до той цели, которую я наметил.

Чем дольше продолжалась наша беседа, тем все больше и больше я убеждался, что Абдулла слишком уравновешен, холоден и современен, чтобы быть пророком, в особенности, вооруженным пророком, которые, если верить истории, преуспевают в революциях. Его можно было бы в достаточной мере оценить в мирное время после победы.

Сторрс втянул меня в разговор, спросив у Абдуллы его мнение о положении кампании. Тот сразу сделался серьезным и сказал, что он считает необходимым настаивать на немедленном и действенном участии Британии в борьбе. Он кратко изложил состояние кампании следующим образом:

Благодаря тому, что мы не позаботились перерезать Хиджазскую железную дорогу, турки оказались в состоянии наладить транспорт и посылку снабжения для подкрепления Медины.⁷

Фейсала⁸ оттеснили от города, и враг подготавливает летучую колонну из всех видов оружия для наступления на Рабег.⁹

Арабы, жившие в горах, которые пересекали путь, были вследствие нашей нерадивости слишком слабо снабжены припасами, пулеметами и артиллерией, чтобы долго обороняться.

Хуссейн Мабейриг, старшина рабегского племени гарб, примкнул к туркам. Если мединская колонна двинется вперед, племя присоединится к ней.

Отцу Абдуллы останется лишь встать самому во главе своего народа в Мекке и умереть, сражаясь перед Святым городом.

В эту минуту зазвонил телефон: великий ишан хотел говорить с Абдуллой. Тот рассказал отцу о сути нашей беседы, и последний немедленно подтвердил, что в крайности он поступит именно таким образом: турки вступят в Мекку лишь через его труп.

Закончив телефонный разговор, Абдулла, слегка улыбаясь, попросил, в целях предотвращения подобного бедствия, чтобы британская бригада, – если возможно, из мусульманских

⁶ Таиф, осажденный с 11 июня по 26 сентября 1916 г., пал от голода. 23 сентября Галиб-паша, турецкий губернатор Хиджаза, сдался Абдулле с двухтысячным гарнизоном.

⁷ После первой атаки Фейсала и Али (10 июня) 22 июня в Медину было прислано подкрепление из Сирии, и 25 июня гарнизон Медины перешел в наступление против армии Фейсала.

⁸ Третий сын Хуссейна.

⁹ Второй после Джидды порт Хиджаза.

войск, – была наготове в Суэце, для того, чтобы можно было стремительно перебросить ее в Рабег, как только турки ринутся из Медины в атаку. Что мы думаем о его предложении?

Я заявил, что передам в Египте его мнение, но британское командование с величайшей неохотой снимает военные силы с жизненно необходимой обороны Египта (хотя Абдулла и не должен был знать, что Суэцкому каналу угрожала какая-либо опасность со стороны турок¹⁰), тем более, что надо послать христиан на защиту населения Святого города от врага.

Я прибавил, что некоторые мусульманские круги в Индии, считавшие, что турецкое правительство имеет неотъемлемые права на святые места, ложно истолковали бы наши побуждения и поступки. Быть может, я мог бы поддерживать его предложение более активно, если бы я был в состоянии осветить вопрос о Рабеге, лично ознакомившись с положением и местными настроениями. Мне также хотелось бы встретиться с эмиром Фейсалом и обсудить с ним его нужды и перспективы на более длительную защиту его гор населением, если бы мы усилили им материальную помощь. Мне хотелось бы проехать от Рабега дорогой султанов по направлению к Медине вплоть до лагеря Фейсала.

Тут в разговор вступил Сторрс и горячо поддержал меня, настаивая на жизненной важности для британского командования в Египте иметь исчерпывающую и своевременную информацию от опытного наблюдателя.

Абдулла подошел к телефону и попытался получить от своего отца согласие на мою поездку по стране. Ишан отнесся к предложению с большим недоверием. Абдулла приводил доводы в пользу своего предложения. Кое-чего добившись, он передал трубку Сторрсу, который пустил в ход все свои дипломатические таланты. Слушать Сторрса было наслаждением, а также уроком для любого англичанина, как надо вести себя с недоверчивыми или нерасположенными к чему-либо туземцами восточных стран. Почти невозможно было противиться ему дольше двух-трех минут, и в данном случае он также добился полного успеха.

Ишан опять попросил к телефону Абдулла и уполномочил его написать эмиру Али,¹¹ предложив ему, если он сочтет удобным и возможным, разрешить мне посетить Фейсала.

Под влиянием Сторрса Абдулла превратил это осторожное поручение в точную письменную инструкцию для Али – отправить меня с елико возможной быстротой и под надежным конвоем в лагерь Фейсала. Это было все, чего я добивался, но лишь часть того, чего добивался Сторрс.

Мы прервали наш разговор, чтобы позавтракать.

После завтрака, когда жара немного спала, и солнце уж не стояло так высоко, мы отправились побродить и полюбоваться достопримечательностями Джедды под руководством полковника Юнга, помощника Вильсона, человека, который одобрительно относится ко всем старинным вещам и не слишком одобрительно к современным.

Джидда в самом деле оказалась замечательным городом. Улицы представляли собой узкие аллеи с деревянной крышей над главным базаром. На остальные улицы небо глядело в узкую щель между крышами величавых белых домов. Это были четырех- или пятиэтажные здания, сложенные из коралловых и сланцевых плит, скрепленных четырехугольными балками, и украшенные от самой земли до крыши широкими овальными окнами с серыми деревянными рамами. Оконных стекол не было, их заменяли изящные решетки. Двери представляли собой тяжелые двустворчатые плиты из тикового дерева с глубокой резьбой и часто с пробитыми в них калитками. Они висели на великолепных петлях и были снабжены кольцами из кованого железа.

Город казался вымершим. Его закоулки и улицы были усыпаны сырым, затвердевшим от времени песком, заглушавшим шаги, как ковер. Решетки и изгибы стен притупляли звуки

¹⁰ Два похода Джемаль-паши в 1915 и 1916 гг.

¹¹ Первый сын Хуссейна.

голоса. На улицах не было никаких экипажей, да улицы и не были достаточно широки для них. Не слышно было стука подков, всюду стояла тишина. Двери домов плавно закрывались, когда мы проходили мимо. На улицах было мало прохожих, и те немногие, кого мы встречали, – все худые, словно истощенные болезнью, с изрубцованными лицами, лишенными растительности, с прищуренными глазами, – быстро и осторожно проскальзывали мимо, не глядя на нас. Их бедные белые одежды, капюшоны на бритых головах, красные хлопчатобумажные шали на плечах и босые ноги были у всех так одинаковы, что казались почти присвоенной им формой. На базаре мы не нашли ничего, что стоило бы купить.

Вечером позвонил телефон. Ишан позвал к аппарату Сторрса. Он спрашивал его, не угодно ли ему будет послушать его оркестр. Сторрс с удивлением переспросил: «Какой оркестр?» – и поздравил его святейшество с успехами в светской жизни. Ишан объяснил ему, что в главном штабе в Хиджазе при турках имелся духовой оркестр, который играл каждый вечер у генерал-губернатора; когда же генерал-губернатор был в Таифе взят в плен Абдуллой, его оркестр был захвачен вместе с ним. Остальных пленных отправили в Египет для интернирования, но оркестр оставался в Мекке для увеселения победителей.

Ишан Хуссейн положил трубку на стол в своей приемной и мы поочередно, торжественно приглашаемые к телефону, слушали игру оркестра во дворце в Мекке, на расстоянии сорока пяти миль. И когда Сторрс выразил ишану общую благодарность, тот с величайшей любезностью ответил, что оркестр будет отправлен форсированным маршем в Джедду с тем, чтобы играть в нашем дворе.

– А вы доставите мне удовольствие и позвоните от себя по телефону, – сказал он, – чтобы и я мог принять участие в вашем развлечении.

На следующий день Сторрс посетил Абдуллу в его ставке возле могилы Евы,¹² они вместе осмотрели госпиталь, бараки, учреждения города, а также использовали гостеприимство городского головы и губернатора. В промежутках они беседовали о деньгах, о титуле ишана, о его взаимоотношениях с остальными эмирами Аравии и об общем ходе войны, и обо всех тех общих местах, которые должны обсуждать посланцы двух правительств. Беседа была скучной, и по большей части я держался в стороне, так как уж пришел к выводу, что Абдулла не может быть тем вождем, который нам нужен.

Общество ишана Шакира, двоюродного брата Абдуллы и его лучшего друга, оказалось более интересным. Шакир, вельможа из Таифа, с детства был товарищем сыновей ишана.

Никогда еще я не встречал такого переменчивого человека, мгновенно переходящего от ледяного величия к вихрю радостного оживления, – резкого, сильного, могучего, великолепного. Его лицо, рябое и безволосое от оспы, как зеркало, отражало все его переживания.

Абдулла командовал осадой Таифа, но не кто иной как Шакир повел войска в опрометчивом натиске, разрушившем благодаря чрезвычайной опасности все его замыслы. Арабы не рискнули поддержать его, и Шакир принужден был вернуться один, проклиная своих людей, высмеивая их и яростно глумясь над расстроенными рядами врага. Последний отомстил ему, облив керосином его большой дом, который сгорел вместе со знаменитой библиотекой арабских рукописей.

В этот же вечер Абдулла пришел к обеду с полковником Вильсоном. Мы встретили его во дворце, на ступеньках лестницы. Его сопровождала блестящая свита слуг и рабов, а за ними толпились бледные, худые, бородатые люди, с изнуренными лицами, в истрепанной военной форме, с музыкальными инструментами из тусклой меди. Сделав жест рукой по направлению к ним, Абдулла сказал восхищенно:

– Это мой оркестр.

¹² Старинный религиозный памятник в Джедде, имеет в длину 150 метров.

Мы усадили музыкантов на скамейки на переднем дворе, и Вильсон выслал им папирос, а мы направились в столовую, где дверь на балкон была широко открыта, и мы жадно ловили дуновение морского бриза. Когда мы уселись, оркестр под охраной ружей и сабель свиты Абдуллы начал, кто в лес, кто по дрова, наигрывать надрывающие душу турецкие мелодии. Мы испытывали боль в ушах от невыносимой музыки, но Абдулла сиял. Наконец мы устали от турецкой музыки, и попросили немецкой. Один из адъютантов вышел на балкон и крикнул оркестрантам по-турецки, чтобы они сыграли, что-нибудь иностранное. Оркестр грянул «Deutschland über Alles» как раз в ту минуту, когда ишан в Мекке подошел к телефону, чтобы послушать нашу музыку. Мы попросили подбавить еще чего-нибудь немецкого, и они сыграли «Einfeste Burg», но в середине мелодия перешла в нестройные звуки барабана. Кожа на барабанах обмякла в сыром воздухе Джедды. Музыканты попросили огня. Слуги Вильсона с телохранителем Абдуллы принесли им несколько охапок соломы и упаковочных ящиков. Они стали согревать барабаны, поворачивая их перед огнем, а потом грянули то, что они называли «Гимном ненависти», хотя никто бы не смог признать в нем ничего европейского. Кто-то сказал, обращаясь к Абдулле:

– Это марш смерти.

Абдулла широко открыл глаза, но Сторрс, поспешивший прийти на выручку, обратил все это в шутку. Мы послали вознаграждение вместе с остатками нашего ужина несчастным музыкантам, которые возвращение домой предпочли бы нашим похвалам.

Поездка к Фейсалу

На следующее утро я уехал морем из Джидды в Рабег, где находилась главная квартира ишана Али, старшего брата Абдуллы. Когда Али прочел «приказ» своего отца немедленно препроводить меня к Фейсалу, он пришел в замешательство, но не мог ничего поделать. Итак, он предоставил мне своего великолепного верхового верблюда, оседлав его своим собственным седлом и покрыв роскошным чепраком и подушками из недждской разноцветной кожи, украшенной заплетенной бахромой и сеткой из вышитой парчи.

Как верного человека, который бы проводил меня в лагерь Фейсала, он выбрал Тафаса, из племени хавазим-гарб. С ним шел его сын.

Али не позволил мне двинуться в путь до захода солнца, чтобы никто из его свиты не увидал, что я покидаю лагерь. Он сохранял мое путешествие в тайне даже от своих рабов и дал мне арабский плащ и головное покрывало,¹³ чтобы я, закутавшись в них и скрыв свой мундир, казался во мраке лишь силуэтом араба на верблюде.

Я не взял с собою ничего съестного. Али велел Тафасу накормить меня в Бир-эль-Шейхе, ближайшем селении, в шестидесяти милях от Рабега, и самым строгим образом велел ему ограждать меня в пути от вопросов любопытных и избегать всяких лагерей и случайных встреч.

Мы миновали пальмовые рощи, которые словно опоясывали разбросанные дома селения Рабег, и поехали вдоль Тихамы, песчаной и лишенной четких очертаний полосы пустыни, окаймляющей западный берег Аравии на сотни уныло-однообразных миль, между морским побережьем и прибрежными холмами.

Днем равнина нестерпимо раскалилась, после чего вечерняя прохлада казалась приятной. Тафас молча вел нас вперед. Верблюды беззвучно шагали по мягким, ровным пескам.

Мы ехали по дороге, которая была дорогой паломников. По ней шли бесчисленные поколения народов Севера, чтобы посетить Святой город, неся с собой дары. И мне казалось, что восстание арабов, может быть, является в известном смысле обратным паломничеством, возвращением на север, к Сирии, заменой одного идеала другим – прошлой веры в откровение верой в свободу. Около полуночи мы сделали привал. Я плотно закутался в свой плащ, нашел в песке впадину, соответствующую моему росту, и прекрасно проспал в ней почти до зари.

Как только Тафас почувствовал, что воздух похолодел, он поднялся, и две минуты спустя, мы, раскачиваясь, опять двинулись вперед. Через час уже совсем рассвело, когда мы стали взбираться на низкую гряду лавы, которую ветер почти занес песком.

За гребнем дорога спускалась к широкой, открытой местности равнины Мастура.

Мой верблюд был отрадой для меня, – я еще никогда не ездил на подобном животном. В Египте не было хороших верблюдов, а выносливые и сильные верблюды Синайской пустыни не имеют прямой, мягкой и быстрой поступи великолепных верховых животных арабских эмиров.

У самого северного края Мастура мы нашли колодец. Возле него высились обветшавшие стены когда-то стоявшей здесь хижины, а против них было небольшое прикрытие из пальмовых листьев и ветвей, под которым сидело несколько бедуинов. Мы не поздоровались с ними. Тафас повернул к разрушенным стенам, и мы спешили. Я сел в их тени, пока он со своим сыном поил животных водой из колодца.

Колодец имел около двадцати футов в глубину, а для удобства путешественников, у кого не было веревки, как у нас, в колодце был приспособлен спуск с выступами в углах для рук и для ног, чтобы можно было добраться к воде и наполнить мех.

¹³ Арабы не носят чалмы, а легкое головное покрывало (так называемая «сомада»), которое держится на голове при помощи повязки в виде гибкого обруча.

Ленивые руки набросали столько камней в колодец, что его дно наполовину было завалено, и воды было немного. Абдулла закинул свои развевающиеся рукава за плечи, подоткнул платье за пояс для патронов и начал проворно лазать вверх и вниз, принося каждый раз четыре-пять галлонов воды, которые выливал для наших верблюдов в каменное корыто, находившееся позади колодца. Верблюды выпили каждый около пяти галлонов воды, так как только накануне их поили в Рабеге. Затем мы их пустили немного попасться, пока отдыхали сами, наслаждаясь легким ветерком с моря. Абдулла курил папиросу, полученную в награду за свои труды. К колодцу подошли люди племени гарб, гоня перед собой большое стадо молодых верблюдов, и начали их поить, послав одного из своих слуг вниз в колодец, с большим кожаным ведром, которое другие принимали, передавали из рук в руки под ритм громкого, отрывистого пения.

Пока мы наблюдали их, к нам подъехали с севера быстро, легкой рысью, два всадника на чистокровных верблюдах. Оба были молоды. Один из них был одет в пышное кашемировое платье, на голове у него была чалма, богато расшитая шелками. Другой был одет скромнее – в белое бумажное платье, с красным бумажным головным покрывалом. Они спешили за колодцем. Тот, который был богаче одет, легко спрыгнул на землю, не заставив верблюда опуститься на колени, и, протянув своему спутнику веревку, сказал небрежно:

– Напой их, а я пройду наверх, чтобы отдохнуть.

Он сел под нашей стеной, покосившись на нас с напускным равнодушием. Затем он предложил нам папиросу, которую только что свернул, лизнув языком, и спросил:

– Вы едете из Сирии?

В свою очередь я деликатно осведомился, не из Мекки ли он, на что он также не дал прямого ответа. Мы поговорили немного о войне и о худобе арабских верблюдиц.

Между тем другой всадник стоял около нас, держа веревку и, вероятно, ожидая, пока гарб кончит поить свое стадо, чтобы занять свою очередь. Но тут наш молодой собеседник крикнул:

– В чем дело, Мустафа? Напой их сейчас же.

Слуга подошел и сказал угрюмо:

– Они меня не пустят.

– Черт подери, – закричал в раздражении хозяин, вскочив на ноги, и три или четыре раза ударил несчастного Мустафу хлыстом по голове и по плечам. – Пойди, попроси их!

Мустафа взглянул на него с обидой, удивлением и таким гневом, как будто готов был ударить в ответ, но сдержался и побежал к колодцу. Гарбы, пораженные этой ценой, уступили ему место у колодца и позволили ему поить своих верблюдов из наполненного ими корыта. Затем они стали перешептываться:

– Кто это?

Мустафа ответил:

– Двоюродный брат нашего господина из Мекки.

Тотчас же два гарба побежали, развязали тук у одного из своих седел и, вынув оттуда корм, разложили перед обоими верблюдами господина из Мекки зеленые листья и почки терна.

Молодой ишан с удовлетворением смотрел на них. Когда его верблюд насытился, он медленно, но ловко сел в седло, уселся поудобнее и на прощанье приветствовал нас, призывая милости неба на арабов. Мы пожелали ему доброго пути, и он направился к югу, в то время как Абдулла вывел наших верблюдов и мы двинулись к северу. Через десять минут я услышал кряхтение старого Тафаса и увидел насмешливые морщинки на его лице.

– Что с вами, Тафас? – спросил я.

– Господин, вы видели этих двух всадников у колодца?

– Ишана и его слугу?

– Да, но это был ишан Али-ибн-эль-Хуссейн из Модига и его двоюродный брат, ишан Мохсин, вожди клана харита, кровные враги рода масрух. Они боялись задержаться или совсем не получить воды, если их узнают арабы. Поэтому они выдавали себя за хозяина и слугу из

Мекки. Видели ли вы, в какую ярость пришел Мохсин, когда Али ударил его? Али – дьявол. Еще одиннадцати лет он бежал из родительского дома к своему дяде, обкрадывавшему богомольцев на продуктах. Он прожил у дяди подручным в течение многих месяцев, пока отец не нашел его. Он участвовал вместе с нашим ишаном Фейсалом с первых же дней в сражении под Мединой и вел атейбу в равнины, окружающие Аар и Бир-Дервиш. Это было сражение на верблюдах. Али не взял бы с собой человека, который не умел бы делать того, что умел делать он – бежать за верблюдом, держась одной рукой за седло, а в другой неся ружье. Дети харита – дети войны.

Впервые старик был так многоречив.

Мы ехали до захода солнца, когда перед нами открылся вид на поселок Бир-эль-Шейх. Мы въехали на его широкую, просторную улицу и сделали привал.

После нескольких слов, сказанных шепотом, и длительного молчания Тафас купил муку, из которой он замесил тесто и сделал из него лепешку. Он закопал ее в горячую золу, которую раздобыл у женщины, по-видимому, его знакомой. Когда лепешка испеклась, он вынул ее из огня и похлопал, чтобы стряхнуть золу. Потом мы разделили ее между собой, тогда как Абдулла пошел промышлять для себя табак.

Мне сказали, что у подножья южного откоса имелось два обложенных камнем колодца, но я не был расположен пойти взглянуть на них, так как длительная езда в течение целого дня утомила меня, а зной равнины меня измучил. Моя кожа покрылась волдырями, а глаза болели от ослепительного блеска серебрених песков и сияющих булыжников пустыни.

Последние два года я провел в Каире, сидя целые дни за конторкой, с трудом сосредоточиваясь в маленькой, переполненной народом комнате, отвечая на сотни вопросов, и был лишен всякого физического упражнения, кроме ежедневной прогулки от конторы до гостиницы. Поэтому новизна положения была для меня очень тяжела, так как я не имел возможности постепенно привыкнуть к палящему зною арабского солнца и к монотонному шагу верблюдов. А ведь предстоял еще переход в этот вечер и долгий путь на следующий день, чтобы достигнуть лагеря Фейсала. Поэтому я почувствовал сожаление, когда наш двухчасовой отдых закончился, и мы, снова сев на верблюдов, поехали в кромешной тьме, спускаясь в долины и вновь подымаясь из них.

В замкнутых ложбинах воздух был знойный, но на открытых местах свежий и возбуждающий. Под нами, должно быть, была ровная песчаная почва, так как мы беззвучно продвигались вперед, и я все время засыпал в седле, чтобы через несколько секунд внезапно и тревожно проснуться и хвататься инстинктивно за седло, восстанавливая этим равновесие, нарушенное каким-нибудь неверным шагом верблюда.

Стоял густой мрак, и глаз не мог уловить неясных очертаний местности. Наконец, спустя много времени после полуночи, мы остановились для отдыха. Я завернулся в свой плащ и заснул в очень уютном песчаном ложе, перед которым Тафас привязал моего верблюда, поставив его на колени.

А через три часа мы опять двинулись в путь, освещаемый уже последними лучами месяца. Когда мы выступили из теснин на широкий простор, над которым кружился резкий ветер, начало, наконец, светать.

В окрестностях Бир-ибн-Гасани у нас была замечательная встреча.

Мы переехали обширную равнину. Из-за каких-то строений вышел старик, оказавшийся болтливым погонщиком верблюдов, и тяжелым шагом приблизился к нам. Он себя назвал Халлафом и был преувеличенно любезен. Его приветствие выразилось в потоках надоедливой болтовни; после нашего ответа на приветствие, он попытался вовлечь нас в разговор. Однако Тафас старался от него отделаться и ограничивался короткими ответами. Халлаф не унимался и в конце концов, желая улучшить свою позицию, нагнулся, стал рыться в своей седельной сумке и вытащил маленький эмалированный горшочек, который занимал добрую половину

этого складочного места всех путешествующих по Хиджазу, и достал оттуда нечто. Это была старая пресная лепешка, пропитанная маслом, когда она была еще теплая. Разломить ее можно было только с большим трудом. Перед едой лепешка посыпается кристаллическим сахаром и разминается пальцами. Я чуть дотронулся до нее. Тафас и Абдулла уделили ей большое внимание.

Теперь мы были друзьями, и болтовня началась снова. Халлаф рассказал нам о последней битве и про несчастье, случившееся с Фейсалом накануне. По-видимому, он был выбит из головного участка Вади-Сафра и сейчас находился в Хамре, недалеко от нас; по крайней мере, Халлаф считал, что он там; мы могли узнать об этом с достоверностью в ближайшей деревушке по нашей дороге. Сражение не было кровопролитным, но все несчастные случаи пришлось на соплеменников Тафаса и Халлафа: он назвал нам все имена и рассказал о ранении каждого.

Впоследствии выяснилось, что Халлаф был на жаловании у турок и часто им доносил о том, что происходило за Бир-ибн-Гассани.

В усилившемся дневном свете мы увидели как раз направо от нас селение. Маленькие домишки, коричневые и белые, теснящиеся ради безопасности друг возле друга, казались кукольными. Они выглядели еще более одинокими, чем сама пустыня. Пока мы созерцали их, надеясь увидеть там какое-нибудь проявление жизни, солнце быстро взошло.

Повернув направо, мы спускались на протяжении нескольких миль с горы к высоким утесам. Мы объехали их и внезапно очутились в долине Вади-Сафра, у цели нашей поездки, в середине Васты – ее самой крупной деревни. Дома Васты казались гнездами, лепящимися к склонам гор.

Наконец, мы добрались до долины. Посредине ее, между двумя пальмовыми рощами, протекал прозрачный ручей, среди густой травы и цветов. Мы задержались здесь на минуту, чтобы дать верблюдам напиться. Вид травы принес быстрое облегчение нашим глазам после того, как мы целый день созерцали лишь резкий блеск булыжников. Я даже невольно взглянул вверх, чтобы посмотреть, не закрыли ли облака солнечного лика.

Мы проехали через поток к саду, из которого он, искрясь, выбегал в каменистое ложе, а затем свернули вдоль обмазанной глиной стены сада под сень его пальм, направляясь к другим, стоящим отдельно, хижинам.

Мы поехали по небольшой улочке. Дома были такие низкие, что мы из седла видели сверху их глиняные крыши. Тафас остановился у одного дома побольше и постучал в ворота его не огороженного двора. Нам открыл раб и мы спешили в молчании. Тафас привязал верблюдов, распустил им подпруги и насыпал перед ними свежее сено, набрав его из душистого стога позади ворот. Затем он повел меня в парадную комнату дома, темную и чистую, с глиняными стенами. Мы уселись на циновку из пальмовых листьев, лежавшую под балдахином. Дневной зной в душной долине все усиливался. Мы легли. Жужжание пчел в садах и мух, носящихся возле наших защищенных покрывалами лиц, усыпило нас.

Когда мы проснулись, обитатели дома уже приготовили для нас хлеб и финики. Закусив, мы опять сели на верблюдов и поехали вдоль прозрачной, тихой речки, пока она не скрылась в пальмовых садах, за их низкими, из иссушенной солнцем глины стенами.

Между корнями деревьев были проложены небольшие каналы в один-два фута глубиной, расположенные таким образом, чтобы вода, направляемая из каменного русла, могла орошать каждое дерево по очереди. Источник воды находился в общинном владении и распределялся между владельцами по минутам или часам, по дням или неделям, смотря по обычаю. Вода была немного солоновата, что и требовалось для лучших сортов пальм, но в то же время она была достаточно пресной в колодцах частных владельцев в небольших рощах. Эти колодцы попадались очень часто, и вода в них была на расстоянии трех-четырех футов от поверхности земли. Дорога привела нас к центру деревни и базару. Лавки были убоги и все кругом казалось пришедшим в упадок. В прошлом Васта была многолюдна и, говорят, состояла из

тысячи домов, но однажды огромная стена воды, обрушившаяся на деревню с Вади-Сафра, смыла насыпи вокруг многих пальмовых садов и унесла пальмы. Некоторые из островков, на которых веками стояли дома, были затоплены, и стены домов, размягчившись, обратились в глину и погребли под собой несчастных рабов. Все могло бы быть восстановлено, если бы осталась почва. Но сады были устроены на земле, оставляемой ежегодным разливом реки, а эта волна воды – вышиной в восемь футов, не ослабевавшая в своем натиске в течение трех дней, – превратила все пространство земли в голые камни.

Сейчас мы уже видели отряды солдат Фейсала и пасущиеся табуны их верховых верблюдов. К тому моменту, когда мы достигли Гамры, каждый закоулок в скалах или заросль деревьев представляли собой бивуак.

Гамра, открывшаяся нашим глазам слева, состояла, приблизительно, из сотни домов, скрытых садами между насыпями земли, вышиной до двадцати футов. Мы перешли вброд небольшой ручей и поднялись по обнесенной стенами дороге между деревьями на вершину одной из этих насыпей, где мы оставили наших опустившихся на колени верблюдов возле ворот двора длинного и низкого дома.

Тафас сказал что-то арабу, который стоял там, держа в руке меч с серебряным эфесом. Тот ввел меня во внутренний двор, в дальнем углу которого, выделяясь в черном просвете дверей, стояла белая фигура, напряженно ожидая меня. При первом же взгляде я почувствовал, что это был тот человек, ради которого я приехал в Аравию – вождь, который доведет восстание арабов до полной победы. Эмир Фейсал казался очень высоким и стройным в своей длинной белой шелковой одежде, с коричневым головным покрывалом, завязанным блестящим ало-золотым шнурком. Его веки были опущены и бледное лицо с черной бородой походило на маску. Он стоял, скрестив руки на кинжале.

Я обратился к нему с приветствием. Он ввел меня в комнату и сел на ковер возле дверей. Когда мои глаза привыкли к полумраку, я увидел, что в маленькой комнате находилось много безмолвных фигур, в упор смотревших на меня и на Фейсала. Он сидел неподвижно, опустив глаза на руки; его пальцы медленно играли кинжалом. Наконец, он тихо спросил меня, как я перенес путешествие. Я заговорил о зное, и он, узнав, как давно я выехал из Рабега, заметил, что я ехал быстро для этого времени года.

– А нравится ли вам здесь, в Вади-Сафра?

– Конечно. Но ведь отсюда далеко до Дамаска.

Мои слова упали, подобно мечу, и среди присутствовавших прошел легкий трепет. А затем все застыли и на минуту затаили дыхание. Наступило молчание. Фейсал, наконец, открыл глаза, улыбнулся мне и сказал:

– Хвала Аллаху, но ведь турки к нам ближе.

Мы все улыбнулись.

Я встал, и наше первое свидание на этом окончилось.

Фейсал и его отряды

На мягком лугу, под высокими сводами пальм с переплетенными ветвями, я нашел опрятно содержимый лагерь солдат египетской армии¹⁴ (под начальством египетского майора Нафи-бея), недавно присланных из Судана сэром Реджинальдом Уингэйтом¹⁵ в помощь арабскому восстанию. Они имели при себе батарею горной артиллерии и несколько пулеметов. Сам Нафи был гостеприимным и любезным человеком.

Возвестили о приходе Фейсала и Мавлюда эль-Мухлюса, арабского фанатика из Текрита,¹⁶ который благодаря своему неудержимому национализму уже был дважды разжалован в турецкой армии и провел в изгнании в Недежде два года как секретарь эмира Ибн-Рашида. Он командовал турецкой кавалерией при Шайбе¹⁷ и там был захвачен нами. Как только он услышал о восстании ишана, он добровольно поступил к нему на службу и был первым кадровым офицером, присоединившимся к Фейсалу. Сейчас он являлся номинально его адъютантом.

Он с горечью жаловался, что они во всех отношениях скверно экипированы. Это и являлось главной причиной их настоящего опасного положения. Они получали от ишана ежемесячно тридцать тысяч фунтов стерлингов, но мало муки и риса, мало ячменя, мало винтовок, недостаточно боевых припасов и совершенно не получали пулеметов, горных орудий, технической помощи и информации.

Тут я остановил Мавлюда и сказал ему, что мой приезд именно и должен выяснить, в чем они испытывают недостаток – чтобы составить доклад об этом – и что я смогу работать с ними лишь в том случае, если они объяснят мне свое общее положение. Фейсал согласился со мной и рассказал мне историю своего восстания с самого его начала.

Первый натиск на Медину¹⁸ оказался безнадежным делом. Арабы были плохо вооружены и нуждались в боевых припасах, турки же были снабжены великолепно.

В самый критический момент клан бен-али дрогнул, и арабы были отброшены от стен. Затем турки открыли огонь по ним, чем устроили арабов, непривычных к артиллерийскому огню. Племена аджейль и атейба отступили на безопасное место и отказались вновь выступить.

Часть соплеменников бен-али объявила турецкому командованию, что они сдадутся, если их деревни будут пощажены. Фахри¹⁹ заигрывал с ними и, усыпив их бдительность, обложил своими войсками предместье Ауали, приказав штурмовать его и перебить всех, кого найдут в его стенах. Сотни жителей были ограблены и заколоты, а дома их сожжены. В огонь одинаково бросали и оставшихся в живых и трупы. Фахри и его люди учились искусству убивать, уничтожая армян на севере,

Это печальное знакомство с турецкой манерой войны потрясло и возмутило всю Аравию, ибо первым правилом войны у арабов является неприкосновенность женщин, вторым – пощада жизни и чести детей, еще неспособных сражаться с мужчинами, и третьим – имущество, которое невозможно унести с собой, должно быть оставлено нетронутым.

Арабы и Фейсал поняли, что они наткнулись на новые обычаи и отступили, чтобы выиграть время и привести в порядок свои ряды. Не могло быть и речи о сдаче: разграбление Ауали

¹⁴ Британские силы в Египте в 1914 г. состояли из 150 000 человек, в том числе 30 000 индусов из Биканира, составлявших верблужий корпус (мехаристы).

¹⁵ Британский верховный комиссар в Египте (1916–1919 гг.), сменивший Мак-Магона.

¹⁶ Арабский город на правом берегу Тигра, конечный пункт южного отрезка Багдадской дороги (Басра – Багдад – Текрит).

¹⁷ Местечко к юго-востоку от Басры (Южная Месопотамия). Решительное поражение туркам под Шайбой было нанесено англичанами в апреле 1915 г.

¹⁸ 10 июня 1916 г.

¹⁹ 17 июня 1917 г. командование гарнизоном Медины было передано Фахри-паше с общими силами в 14 000 человек.

посеяло неискоренимую вражду к туркам и возложило на арабов долг сражаться до последней капли крови. Но уже им стало ясно, что борьба будет длительной, и едва ли они могут ожидать победы, имея единственным оружием заряжающиеся с дула ружья.

Поэтому они отступили от равнин вокруг Медины в горы, где отдыхали, пока Али и Фейсал слали гонца за гонцом в Рабег, где находилась их морская база, чтобы узнать, когда можно ждать присылки свежих войск, припасов и новых денег.

Восстание началось в свое время внезапно, согласно точному приказу их отца. Но старик, слишком независимый, чтобы посвящать во все своих сыновей, не разработал с ними никаких планов на случай, если борьба затянется. Поэтому в ответ они получили лишь немного провианта. Позднее им доставили несколько японских винтовок – в большинстве испорченных. Те стволы, которые все же казались целыми, были настолько непрочны, что разрывались при первом испытании их слишком пылкими арабами. Денег совершенно не было прислано, но взамен их Фейсал наполнил камнями ящик изрядных размеров, запер его, заботливо обвязал веревкой и, поручив его охранять при каждом дневном переходе своим собственным арабам, каждый вечер заботливо вносил его в свой шатер. Подобными театральными эффектами братья пытались удержать свои тающие отряды.

Наконец, Али отправился в Рабег, чтобы разузнать, что там случилось. Он выяснил, что шейх Хуссейн Мабейриг, старшина местного племени, пришел к твердому выводу, что победу одержат турки (он уже дважды пытался вступать с ними в переговоры, но оба раза терпел полную неудачу). и в соответствии с этим решил, что лучше всего примкнуть к ним. Так как англичане выгрузили на берег различные припасы для ишана, то он решил присвоить их и тайком перенес их в свои собственные склады. Али устроил демонстрацию, послав настоятельное требование к своему сводному брату Зейду,²⁰ чтобы тот присоединился к нему с подкреплениями из Джидды. Хуссейн в страхе улизнул в горы и был объявлен вне закона. Оба ишана овладели его деревнями, и нашли там большие запасы оружия и провианта для своих войск на целый месяц. Соблазн отдыха оказался для них слишком силен: они обосновались в Рабеге.

Тем самым они оставили Фейсала в одиночестве, и он скоро оказался изолированным, в ложном положении, в полной зависимости от местных запасов. Он терпел это в течение некоторого времени, но в августе воспользовался приездом полковника Вильсона в недавно покоренный Янбу, явился к нему и полностью изложил свои неотложные нужды. Он и его рассказ произвели большое впечатление на Вильсона, и тот тут же пообещал ему батарею горных орудий и несколько «максимов», причем ими должны были управлять солдаты и офицеры из египетской армии, стоящей в Судане. Этим и объяснялось присутствие Нафи-бея и его военных частей в лагере Фейсала.

По их прибытии арабы ободрились и решили, что они стали равны по силе туркам. Но четыре пушки оказались крупновского производства двадцатилетней давности, с дальностью лишь в три тысячи ярдов, а прислуга при них не была достаточно увлечена и воодушевлена для нерегулярной войны. Все же они двинулись вперед всей массой и оттеснили турецкие аванпосты, а вслед за ними и первые резервы боевой линии, пока Фахри серьезно не встревожился. Он отправился сам осмотреть фронт и немедленно прислал подкрепление в три тысячи человек к Бир-Аббасу, где была опасность прорыва. У турок были полевые орудия и гаубицы, а их преимуществом еще являлось расположение на высокой местности, что способствовало наблюдению над врагом. Они начали тревожить арабов беглой стрельбой, и один снаряд чуть не угодил в палатку Фейсала, когда в ней собрались все старшины. От египетских артиллеристов потребовали, чтобы они открыли ответный огонь и сбили вражеские пушки. Но они вынуждены были заявить, что их орудия бесполезны, так как они не могут бить на десять тысяч ярдов. Их подняли на смех, и арабы вновь вернулись обратно в ущелья.

²⁰ Младший сын Хуссейна.

Фейсал был сильно обескуражен. Его люди устали. Он понес большие потери. Его единственная действенная тактика против неприятеля заключалась во внезапных стремительных нападениях на его тыл, но при этих атаках множество верблюдов было убито, ранено и изувечено. Он не решался взять на себя ведение всей войны в то время, как Абдулла задерживался в Мекке, а Али и Зейд – в Рабеге. Наконец, он отступил со своими главными силами, оставив племена гарб поддерживать натиск на турецкий обоз и его службу связи путем ряда набегов, подобных тем, которые он сам признавал невозможным продолжать.

И все же он не боялся, что турки опять внезапно бросятся на него. Его неудача в попытках хоть как-нибудь воздействовать на турок не внушала ему ни малейшего уважения к ним. Его позднейшее отступление к Гамре не было вынужденным: оно являлось жестом отвращения к своему явному бессилию, из-за чего он и решил хотя бы на короткое время вернуть себе достоинство в отдыхе.

Я спросил Фейсала, каковы сейчас его планы. Он ответил, что до падения Медины они неизбежно связаны с Хиджазом, и арабы должны плясать под дудку Фахри. По его мнению, турки домогаются обратного захвата Мекки. Их главная сила сейчас заключается в летучей колонне, которую они могут двинуть на Рабег, избрав любую дорогу, что держит арабов в постоянной тревоге. Пассивная оборона гор Джебель-Субха²¹ уже показала, что арабы не способны к этому роду ведения войны. Они должны быть нападающей стороной.

Мавлюд, который в течение нашей продолжительной беседы беспокойно ерзал на своем месте, не смог дольше сдерживаться и крикнул:

– Не пишите о нас историй. Единственное, что необходимо, это сражаться и еще раз сражаться, убивая турок. Дайте мне батарею шнейдеровских горных орудий и пулеметы, и я все мигом закончу. Мы все болтаем да болтаем, но ничего не делаем.

Я с жаром возразил ему, и Мавлюд, великолепный боец, считавший выигранную победу поражением, если он не мог показать хоть одной раны в доказательство своего участия в бою, вступил со мной в горячий спор. Мы спорили, пока Фейсал сидел рядом и довольно улыбался, глядя на нас.

Для него подобный разговор являлся праздником. Его воодушевила даже такая бездельница, как мой приезд, так как он был человек настроения, колеблющийся между воодушевлением и отчаянием, а сейчас, вдобавок, еще смертельно уставший. Он выглядел намного старше своего тридцати одного года. Его темные, привлекательные глаза, слегка раскосые, были налиты кровью, а впалые щеки изборождены глубокими складками. Его природа противилась размышлениям, так как они нарушали быстроту его действий. По внешности он был высок, грациозен и силен, с величественной поступью и царственной посадкой головы. Движения его были порывисты. Он обнаруживал большой темперамент, порой даже безрассудство, и был резок в переходах. Физическая слабость сочеталась в нем с мужеством. Его личное обаяние, храбрость и некоторая хрупкость – единственная слабость этого гордого характера – делали Фейсала кумиром его сторонников. Позднее он доказал, что может платить доверием за доверие, подозрением за подозрение. В нем было больше сарказма, чем юмора.

Пройденная им школа в качестве одного из приближенных Абдул Гамида сделала из него большого дипломата. Военная служба у турок дала ему знание тактики. Жизнь в Константинополе и знакомство с турецким парламентом приблизили его к пониманию европейской жизни и манер.

Он был наблюдателен и умел оценивать людей. Если бы у него хватило сил осуществить свои мечты, он пошел бы очень далеко, ибо всецело погружался в свою работу и жил только ею. Но следовало опасаться, что он может истощить себя, пытаясь сделать что-либо чрезмерное, метя всегда несколько выше реальности, либо умереть от переутомления. Его люди рассказали

²¹ В районе Медины.

мне, как после долгого сражения, в котором приходилось и защищаться самому, и руководить нападением, и воодушевлять войска, он так физически изнемог, что его в бессознательном состоянии унесли с выступившей у рта пеной с места его победы.

Между тем казалось, что в его лице, если мы только окажемся достаточно сильными, чтобы удержать его, мы имели пророка, который мог воплотить в непреодолимый образ идею восстания арабов. Это было больше того, на что мы раньше надеялись, гораздо больше, чем заслуживало наше нерешительное поведение. Цель моей поездки казалась достигнутой.

Я должен был тотчас кратчайшим путем направиться с известиями в Египет.

Сумерки сгустились в ночь. Вереница рабов с лампами пробралась к нам по извилистым тропам между пальмовыми стволами, и мы с Фейсалом и Мавлюдом вернулись через сад обратно к домику, еще полному ожидающим людей. Мы вошли в душную комнату, где собрались ближайшие друзья Фейсала, и все вместе сели за дымящиеся чаши риса и мяса, поставленные рабами на ковры.

На следующее утро я встал рано и бродил между войсками Фейсала со стороны Хейфа, пытаясь в течение одной минуты определить их настроение. Я всемерно стремился беречь время, так как в течение десяти дней необходимо было собрать впечатления, которые в обычных условиях могли бы явиться при моей черепашной медлительности лишь плодом недельных наблюдений.

Действительно, здесь необходимо требовалось личное донесение. В этой бескрайней войне малейшая своеобразность вызвала всеобщее ликование и сильнейшим приемом Мак-Магона являлось использование еще не проснувшегося воображения Генерального штаба.

Я верил в арабское движение и всегда был уверен, еще задолго до своего приезда, что оно стремится расчленив Турцию. Но командованию в Египте не хватало веры, и там привыкли к мысли, что на поле битвы от арабов не приходится ждать ничего путного. Подчеркнув, как сильно стремление этих романтиков гор к их святыням, я мог бы привлечь к ним симпатии в Каире для оказания им необходимой помощи.

Люди радостно встречали меня. Под каждой большой скалой или кустом они валялись враспашку, как ленивые скорпионы, отдыхая от зноя и освежая свои смуглые тела прикосновениями к прохладным под утренней сенью камням. Сначала из-за моего хаки они принимали меня за турецкого офицера, дезертировавшего к ним, и высказывали добродушные, но жуткие предположения о том, как они со мной расправятся.

Они были в диком возбуждении, крича, что война может продолжаться хоть десять лет. Сейчас было самое сытое время, какое когда-либо знавали здесь в горах. Ишан кормил не только воинов, но и их семьи, и платил каждому пешему по два фунта в месяц и по четыре за верблюда. Ничто другое не могло бы сделать такого чуда, как сохранение под ружьем в течение пяти месяцев армии, состоящей из различных племен.

Действующий состав ее рядов постоянно менялся, подчиняясь велениям плоти. Семья владела одной винтовкой, и сыновья служили по очереди, каждый в течение нескольких дней. Женатые мужчины делили время между лагерем и женой, а иногда целый клан, уставши от скучных обязанностей, предавался отдыху. Из восьми тысяч людей Фейсала одна тысяча составляла десять верблюжьих корпусов, а остальные были горцами. Они служили лишь под началом шейхов своего племени, сами налаживая для себя питание и средства передвижения.

Кровавые распри внешне были улажены и в действительности прекратились в районе влияния ишана: племена билли и джухейна, атейба и аджейль жили и сражались рука об руку в армии Фейсала. Но в то же время одно племя подозрительно относилось к другому, и в пределах каждого племени никто вполне не доверял своему соседу. Каждый мог всем сердцем ненавидеть турок и обычно ненавидел их, но в то же время не вполне отказывался от мысли свести на поле брани расчеты по застарелой семейной вражде с семейным врагом.

Свойственная им беспечность делала их падкими на добычу, отнятую у неприятеля, и подстрекала разбирать железнодорожное полотно, грабить караваны и красть верблюдов. Но они были слишком свободолюбивы, чтобы повиноваться приказам или сражаться в рядах. Человек, который прекрасно сражается в одиночку, по большей части оказывается скверным солдатом, и эти бойцы казались мне неподходящим материалом для военной муштровки. Но если бы мы вооружили их легкими автоматическими ружьями типа «Льюис», они могли бы удержать свои горы.

Хиджасская война была борьбой скалистой, гористой, бесплодной страны, дикой орды горцев против врага, настолько избалованного, благодаря помощи немцев, снаряжением, что он почти потерял способность к ведению войны в диких условиях. Холмистая местность была раем для лазутчиков. Долины, служившие единственными удобопроходимыми дорогами, на целые мили являлись не столько долинами, сколько безднами и ущельями, иногда с поперечником в двести ярдов, а иногда лишь в двадцать, с частыми поворотами и изгибами, глубиной от одной до четырех тысяч футов, лишенные всякого прикрытия, защищенные с обеих сторон гранитом, базальтом и порфиром. Это не были гладкие скаты, но зазубренные, раздробленные глыбы, громоздящиеся тысячами зубчатых груд обломков, твердых, как металл, и почти столь же острых.

Мне, как свежему человеку, казалось невозможным, чтобы турки могли рискнуть здесь пробиться, если только они не используют предательства каких-либо горных племен.

Единственным тревожным вопросом казался огромный успех турок в устрашении арабов артиллерией. Звук пушечного выстрела заставлял всех скрываться за прикрытия на всем расстоянии, куда он долетал. Арабы соизмеряли разрушительную силу оружия в соответствии с производимым им шумом. Они не боялись пуль и в действительности чересчур пренебрегали смертью: лишь смерть от пушечного снаряда была для них невыносимой. Мне казалось, что их уверенное настроение восстановится лишь в том случае, если они получат пушки, безразлично в каком состоянии, но производящие грохот. Начиная от великолепного Фейсала и кончая последним оборванным юнцом, единственной темой разговоров в армии была – артиллерия, артиллерия и артиллерия.

При ближайшем знакомстве меня поразила сила восстания. Эта густонаселенная область внезапно изменила свой характер, превратившись из случайного сборища бродячих воришек в войска повстанцев против Турции, сражавшиеся, разумеется, не нашими способами, но по-своему, достаточно ожесточенно – вопреки религии, которая должна была бы объединить Восток в священной войне против нас.²² В военной зоне среди племен наблюдался нервный подъем, свойственный, по моему мнению, национальным восстаниям, но поражающий уроженца страны, так давно завоевавшей свою свободу, что она утратила для него всякий вкус, подобно воде.

Позднее я вновь встретился с Фейсалом и обещал ему сделать все, что окажется в моих силах: мое начальство устроит базу в Янбу, где исключительно для него сложат на берегу в складах разнообразнейшие припасы, в которых он нуждается. Мы попытаемся доставить ему офицеров-добровольцев из среды военнопленных, захваченных в Месопотамии или у Суэцкого канала.²³ Мы сформируем пушечные и пулеметные команды из солдат, содержащихся в концентрационных лагерях, и снабдим их горными орудиями и легкими пулеметами, какие только можно будет добыть в Египте. Наконец, я посоветую, чтобы сюда послали в качестве советников офицеров британской армии, специалистов, и с ними офицеров для связи во время походов.

²² В начале войны турецкий султан Мохаммед V провозгласил джихад против держав Антанты, что, однако, не имело успеха.

²³ Особую роль сыграли Нури Саид и Джафар эль-Аскери, ставшие ближайшими сподвижниками Фейсала.

В этот раз наша беседа носила приятнейший характер и закончилась изъявлениями Фейсалом его горячей благодарности и пожеланием моего возвращения, как только это окажется возможным. Я объяснил, что мои служебные обязанности в Каире²⁴ исключают походную работу, но, быть может, мое начальство разрешит мне позднее посетить его вторично, когда его нынешние нужды будут удовлетворены и его продвижение вперед разовьется успешно. Пока же я прошу его облегчить мне возвращение на берег, чтобы отправиться в Египет.

Благодаря Фейсалу я получил эскорт из местных ишанов, который доставил меня в Янбу через многие мили высоких бесплодных холмов, расщепленных, словно волосы пробором, орошенными долинами. Янбу, незначительное поселение, гостеприимно встретило меня. Его правитель, яванец из Мекки, приютил меня до тех пор, пока «Сува» под командой кэптэна Бойля не вошла в гавань и не приняла меня милостиво к себе на борт. «Милостиво», так как я пребывал в ужасном виде после многих дней верховой езды. Голова моя была повязана туземным покрывалом, а для королевского флота все туземцы были просто пьяницами.

Бойль, как старший морской офицер на Красном море, должен был бы служить образцом для остальных, но он восседал на тенистой стороне своего мостика, настолько поглощенный чтением «Американской конституции» Брайса, что в течение дня уделял мне не больше десятка слов.

В Джедде я застал «Юриалис» с адмиралом сэром Росслином Уэмиссом на борту, направлявшимся в порт Судан, откуда он собирался навестить в Хартуме сэра Реджинальда Уингэйта. Сэр Реджинальд, как сирдар египетской армии,²⁵ был назначен начальником британских военных сил, участвовавших в арабском движении. Мне было необходимо сообщить ему свои впечатления. Поэтому я попросил адмирала перевезти меня через море и предоставить мне место в его поезде при поездке в Хартум. После перекрестного допроса он с готовностью на это согласился. Активный ум и интеллигентность Уэмисса способствовали тому, что он заинтересовался арабским восстанием с момента его возникновения. На своем флагманском корабле он неоднократно подоспевал в критические минуты, чтобы протянуть руку помощи, и много раз изменял свой маршрут, дабы оказать помощь береговым операциям, что, собственно, являлось делом не флота, а армии. Он давал арабам пушки и пулеметы, высаживал на берег десанты и оказывал техническую помощь безграничными транспортными средствами и содействием флота. Он получал истинное удовольствие, удовлетворял просьбы и выполнял их даже в большей мере, чем от него ждали.

В Хартуме к Аравии относились равнодушно, что особенно побудило меня ознакомить сэра Реджинальда Уингэйта с моими длинными отчетами, в которых я указывал на то, что положение является многообещающим. Главная нужда заключалась в умелой поддержке, и кампания безусловно развернулась бы успешно, если бы к арабским вождям прикомандировали в качестве технических советников нескольких кадровых британских офицеров, компетентных в своем деле и говорящих по-арабски, чтобы поддерживать связь с нами.

Уингейт был рад услышать такую положительную оценку вещей. Арабское восстание уже многие годы являлось его мечтой.

По прошествии двух или трех дней, проведенных мной в Хартуме, я выехал в Каир, зная, что одно ответственное лицо уже согласилось во всем со мной. Поездка по Нилу показалась мне праздником.

²⁴ Лоуренс разрабатывал «теоретическую» сторону британской разведки на Ближнем Востоке, руководя так называемым «Арабским бюро».

²⁵ Командующий (сирдар) египетской армией обычно в то же время является генерал-губернатором Судана.

Неудачи у Янбу

После того, как я пробыл несколько дней в Каире, мой начальник генерал Клейтон велел мне вернуться в Аравию к Фейсалу. Так как мне это было совершенно не по нутру, я настаивал на своей полной непригодности для подобного поручения. Я заявлял, что ненавижу ответственность (ясно, что при добросовестной работе пост советника являлся ответственным) и что в течение всей жизни я с большим удовольствием имел дело с предметами, чем с людьми, и с отвлеченными мыслями, чем с предметами. Я не похож на солдата и ненавижу солдатчину, а между тем сирдар мог бы телеграфировать в Лондон о присылке нескольких кадровых офицеров, достаточно компетентных, чтобы руководить войной арабов.

Клейтон ответил мне, что до их приезда могут пройти месяцы, в то время как Фейсал должен быть связан с нами, и Египет должен быстро узнавать его нужды. Значит, я должен был уехать. Оставить «Аравийский бюллетень», основанный мной,²⁶ географические карты, которые я хотел составить, всю свою работу, деятельность, которую я так любил, в которой мне помогало полученное мной образование, и взять на себя роль, к которой я не чувствовал никакой склонности!

Мой путь лежал через Янбу, ныне специальную базу армии Фейсала. Когда я отправился оттуда в глубь страны, чтобы опять попасть к Фейсалу, пришли известия о поражении турок. Разведочный отряд их кавалерии на верблюдах продвинулся слишком далеко в горы, арабы настигли и рассеяли его.

Итак, начало моего пути прошло при счастливых предзнаменованиях. Ответственность за мое путешествие была возложена на ишана Абд эль-Керима²⁷ Его сопровождало трое или четверо из его людей, все верхом. Наше передвижение совершалось очень быстро, так как Абд эль-Керим славился как великолепный ездок, гордящийся тем, что он ездит втрое быстрее среднего ездока. Верблюд был не мой; погода была холодная и облачная. Поэтому я не возражал. Мы ехали легкой рысью, без перерыва, в течение трех часов.

Мы снова тронулись в путь и, после часовой бешеной скачки, в темноте достигли подножия невысокой цепи гор. Мы пересекли ее по узкой песчаной долине, в которой дул сильный ветер. Так как за несколько дней перед тем здесь несся поток, почва стала твердой для наших выбившихся из сил верблюдов, но подъем был крут, и нам пришлось брать его шагом. Мне это было приятно, но Абд эль-Керим был так этим раздражен, что когда мы, по прошествии часа, достигли вершины, он пустил своего верблюда вскачь, проделав спуск со стремительной быстротой в какие-нибудь полчаса, уже на исходе ночи. Затем равнина снова развернулась перед нами, и мы достигли расположенных за нею плантаций Нахль-Мобарека, с обширными финиковыми садами.

Приблизившись, мы увидели меж стволами пальм дым и пламя многих костров, услышали рев тысяч возбужденных верблюдов, залпы и крики отставших во мраке людей, разыскивавших в толпе своих друзей. Так как в Янбу мы слышали, что Нахль покинут, то подобная сумятица обозначала нечто странное, быть может, даже враждебное.

Мы тихо подкрались к концу роши, пробираясь вдоль узкой улицы между глиняными стенами, вышиной в человеческий рост, к группе молчаливых домов. Абд эль-Керим силой открыл ворота одного из дворов, ввел туда верблюдов и стреножил их у стены так, что они оставались невидимыми. Затем он зарядил винтовку и пополз по улице по направлению к шуму, чтобы выяснить, что случилось. Мы ждали его в холодном мраке. Наша пропотевшая одежда медленно просыхала.

²⁶ Военно-политическая сводка, редактировавшаяся Лоуренсом.

²⁷ Вождь племени джухейна в районе Янбу.

Он вернулся через полчаса и рассказал, что это уже прибыл Фейсал со своими отрядами, и мы должны присоединиться к нему. Мы вывели верблюдов, сели на них и поехали по другому переулку. В конце его была плотная толпа громко кричавших арабов и верблюдов, перемешанных в диком беспорядке. Мы пробились сквозь них и, спустившись по склону, внезапно оказались в ложбине – Вади-Янбу, которая представляла собой широкое, открытое пространство.

Мы успели лишь заметить массу солдат Фейсала, заполнявших всю долину. Горели сотни костров, и вокруг них расположились арабы, которые ели, готовили кофе или спали, закутанные, как мертвецы, в свои плащи и лежа вповалку между верблюдами. Вокруг расхаживали патрули.

Мы с трудом проложили себе путь через это столпотворение и на островке спокойствия, в самом центре ложбины, нашли ишана Фейсала. Мы остановили наших верблюдов. Фейсал сидел на ковре, разложенном на голых камнях, между своим двоюродным братом ишаном Шарафом, губернатором Имарета и Тайфа, и Мавлюдом – этим суровым, покрытым шрамами, старым месопотамским патриотом, сейчас выполнявшим обязанности адъютанта Фейсала. Перед ним на коленях стоял секретарь, составляя приказ, а позади – второй, читающий вслух донесения при свете посеребренной лампы, которую держал раб.

Фейсал, спокойный, как всегда, приветствовал меня улыбкой, пока заканчивал диктовать. Затем он извинился, что принимает меня в подобной сумятице, и сделал знак рабам, чтобы они оставили нас вдвоем. Когда они удалились, он объяснил мне, какие неожиданные события случились на фронте за последние двадцать четыре часа,

Турки незаметно обошли по боковой дороге в горах передовые заставы арабских отрядов в Вади-Сафра и отрезали им отступление. Люди племени гарб в панике разбежались по оврагам и едва спаслись, разбившись на группы по двое, по трое. Турецкая конница устремилась в опустевшую долину и через ущелье Дифран пробралась к бир Сайду, где эмир Зейд, юный сводный брат Фейсала, расположился лагерем со своими войсками из племени гарб. Турки застигли Зейда врасплох и привели его в замешательство. Его отряд превратился в беспорядочное скопище беглецов, дико кинувшихся во мраке ночи к Янбу.

Вследствие этого дорога на Янбу оказалась открытой для турок, и Фейсал лишь за час до нашего приезда примчался сюда с пятью тысячами людей, чтобы защитить свою базу, пока не удастся наладить надлежащую оборону. Положение являлось серьезным, но присутствие Фейсала здесь могло привлечь неприятелей и заставить их потерять несколько дней на попытки захватить его, а мы тем временем укрепили бы Янбу.

До половины пятого утра Фейсал выслушивал свежие известия, просьбы и жалобы. Мы очень продрогли, так как сырость просочилась через ковер и пропитала одежду. Лагерь постепенно затих, усталые люди один за другим укладывались спать. Над лагерем мягко спустился белый туман, в котором от костров подымались ленивые колонны дыма. Фейсал, наконец, закончил всю неотложную работу. Мы съели полдюжины фиников и свернулись в клубок на влажном ковре.

Через час, при начинающемся рассвете, мы встали, окоченелые, и рабы развели огонь из пальмовых поленьев, чтобы обогреть нас. Гонцы все еще прибывали со всех сторон, передавая зловещие слухи об атаке, и в лагере почти царила паника. Поэтому Фейсал решил передвинуться на другую позицию, отчасти потому, что нас могло бы затопить тут, если бы где-нибудь в горах прошел дождь, а отчасти – чтобы занять чем-нибудь людей.

Когда забили барабаны, верблюдов стали поспешно нагружать. После второго сигнала все вскочили в седла и тронулись за Фейсалом, ехавшим на своей кобыле. На шаг позади него ехал Шараф, а дальше, как попало, все сборище ишанов, шейхов и рабов и я между ними. В это утро личная охрана Фейсала состояла из восьмисот человек.

Следующие два дня я провел в обществе Фейсала и ближе узнал методы его командования, что было особенно интересно, потому что его люди были морально подавлены пораже-

нием северного племени гарб. Фейсал, желая поддержать их бодрость, достигал этого, ободряя и выслушивая каждого, кого мог. Он был доступен всем, кто толпился возле его палатки, ожидая внимания. Он никогда резко не обрывал просителей и неизменно выслушивал каждого, а если сам не мог разобраться дела, то звал Шарафа или Фаиза аль-Хуссейна. Его бесконечная терпеливость показала мне воочию, что значит в Аравии верховная власть.

Его самообладание казалось огромным. Когда Мирзук эль-Тихейми, его доверенное лицо по приему гостей, приехал от имени Зейда, чтобы разъяснить постыдную историю их поражения, Фейсал лишь посмеялся над ним при всех и отослал его в сторону, чтобы тот обождал, пока он переговорит с шейхами племени гарб и аджейль, чья беззаботность была главной причиной несчастья. Он мягко подшучивал над ними, насмехаясь над теми или иными их поступками, вызвавшими такие тяжелые потери. Затем он позвал обратно Мирзука и опустил полы палатки, подчеркивая, что их разговор являлся частным делом. Я вспомнил смысл имени Фейсала (меч, сверкнувший при взмахе) и боялся тяжелой сцены, но он освободил на своем ковре место для Мирзука и сказал:

– Садись! Расскажи нам еще о том, как вы проводили ночи, и о чудесах битвы. Позабавь нас!

Голос Фейсала был очень музыкален, и он умел им пользоваться в сношениях со своими людьми. С ними он говорил на языке своего племени, но говорил он как-то странно, задумчиво, мучительно запинаясь и как бы подыскивая нужное слово. Его мысли, вероятно, забегали вперед, так как эти с трудом подобранные фразы были просты и трогали своей искренностью. Завеса слов была так тонка, что через нее, казалось, светила честная и прямая душа.

Наша жизнь в лагере отличалась простотою. Перед самым рассветом наш мулла обыкновенно выкрикивал свой призыв к молитве. Как только он заканчивал, начинал мягко и мелодично выкрикивать позади палатки мулла Фейсала. Сейчас же один из его пяти рабов являлся со сладким кофе. Приятна была сладость этой первой чашки в холодном рассвете.

Приблизительно час спустя полы спальной палатки Фейсала откидывались назад: это было знаком для приближенных. Их бывало, обычно, четверо или пятеро. После обмена утренними новостями вносился поднос с завтраком. Он состоял обыкновенно из фиников, но иногда телохранитель Хеджрис давал нам затейливые бисквиты и хлеб собственного производства. После завтрака мы попеременно пили горький кофе и сладкий чай, пока Фейсал занимался своей корреспонденцией, диктуя своим секретарям. Один из них был отважный Фаиз, другой – Имам, человек с печальным лицом, известный в армии тем, что у его седельной луки висел полотняный зонтик.

Иногда в это время давалась аудиенция частным лицам, но это случалось редко; спальная палатка предназначалась исключительно для личного пользования ишана. Это была обычного типа палатка с походной кроватью, хорошим курдским одеялом, плохеньким ширазским и чудесным старым белуджским ковром, на котором Фейсал совершал свои молитвы. Приблизительно в 8 часов утра Фейсал опоясывался своим праздничным кинжалом и следовал в палатку, предназначенную для приемов. Он садился лицом к входу в палатку, а мы, спиной к стене, располагались полукругом вокруг него. Рабы составляли арьергард и группировались вокруг открытой стороны палатки, чтобы не терять из виду осаждающих просителей, которые лежали на песке у входа в палатку или позади нее, ожидая своей очереди. По возможности, работа заканчивалась к полудню, когда эмир обычно поднимался.

Тогда мы, домашние и несколько человек гостей, собирались в жилой палатке: Хеджрис и Салем вносили поднос с завтраком, на котором было столько блюд, сколько допускали обстоятельства. Фейсал был необыкновенный курильщик, но весьма посредственный едок, и он обычно лишь, слегка притрагивался пальцами или ложкой к бобам, чечевице, шпинату, рису и сладостям. Когда он считал, что с нас довольно, по его знаку поднос исчезал, и другие рабы вносили воду для омовения рук. Тучные люди, вроде Мохаммеда ибн-Шефия, прихо-

дили в комичную ярость от легкого и быстрого угощения эмира и вознаграждали себя дома собственной пищей. После завтрака мы еще немного беседовали за чашкой кофе и наслаждались двумя стаканами сиропообразного, зеленого чая. Затем до двух часов пополудни занавес жилой палатки опускался. Это доказывало, что Фейсал отдыхает или читает, или вообще занят личными делами. Затем мы опять сидели в приемной палатке, пока он не заканчивал беседу со всеми, кто имел к нему дело. Я никогда не видел араба, который ушел бы от него неудовлетворенным или обиженным, что объяснялось его тактом и памятью; он никогда не забывал ни одного факта и ни одного знакомства.

Если оставалось свободное время после второй аудиенции, он совершал прогулку со своими друзьями. Между шестью и семью часами вносился ужин, к которому рабы приглашали всех, находящихся в главном штабе. Ужин походил на завтрак.

Фейсал очень поздно ложился спать и никогда не обнаруживал желания ускорить наш уход из его палатки. По вечерам он развлекался, как только мог, и избегал работы, которой можно было безболезненно избежать. В шахматы он играл очень редко, но когда играл, то с безрассудной прямолинейностью бойца и блестяще... Иногда – может быть, в моих интересах – он рассказывал о том, что он видел в Сирии, кое-что из тайн турецкой истории и о семейных делах. Из его уст я многое узнал о людях и партиях Хиджаза.

Однажды Фейсал внезапно спросил меня, не хочу ли я носить арабскую одежду, такую же, как у него, пока я нахожусь в лагере. Я сам должен был признать это более удобным при том «арабском» образе жизни, который мы должны были вести. Кроме того, туземцы знали бы тогда, за кого меня принимать. Для них единственными людьми, носившими хаки, были турецкие офицеры, которых они инстинктивно сторонились. Если бы я носил арабскую одежду, они вели бы себя по отношению ко мне, как если бы я действительно был одним из их вождей, и я мог бы ходить и выходить из палатки Фейсала, не производя сенсации.

Я немедленно и с радостью согласился. Переодевшись, я пошел побродить по пальмовым садам, чтобы приучить себя к новой одежде.

Стоянка Фейсала в Нахль-Мобареке могла быть по неизбежному ходу вещей лишь передышкой, и я чувствовал, что мне было бы лучше вернуться в Ямбу, чтобы серьезно обсудить совместную оборону этого порта, пользуясь всемерно обещанной помощью флота. Мы решили, что мне следует посоветоваться с Зейдом и действовать с ним, как мы найдем нужным.

Мы пошли новой дорогой Вади-Мессарих через холмы Аджиды из опасения встретиться с турецкими патрулями на прямом пути. Бедр ибн-Шефия был со мной, и мы спокойно проделали путь в шесть часов, приехав в Ямбу до сумерек. Чувствуя себя усталым после утомительных дней и бессонных ночей, полных тревоги и волнений, я направился прямо к пустому дому Гарланда (он жил на борту корабля в гавани) и заснул на скамейке. Немного погодя, меня опять вызвали, сообщив, что ишан Зейд приехал, и я направился к укреплениям, чтобы увидеть въезд побежденных войск.

Их было около восьмисот человек, они казались спокойными и равнодушными к своему позору. Зейд сам казался совершенно безучастным. Войдя в город, он повернулся и крикнул правителю Абд эль-Кадеру, который ехал за ним:

«Как, ваш город разрушен? Я должен телеграфировать отцу, чтобы он прислал сорок каменщиков для починки общественных зданий».

И он действительно сделал это.

Я телеграфировал Бойлю (британскому старшему морскому офицеру на Красном море), что Ямбу подвергается серьезной угрозе, и Бойль немедленно ответил, что флот своевременно прибудет сюда. Эта готовность была весьма кстати: весь следующий день получались все худшие и худшие вести. Турки, бросив сильный отряд вперед от Бир-Сайда против Нахль-Мобарека, напали на войска Фейсала, когда те еще не успели оправиться. После короткого боя Фейсал в беспорядке отступил, сдал позиции и укрылся сюда, в Ямбу. Наступал, казалось,

последний акт войны. С Фейсалом было около двух тысяч человек, но ни одного из племени джухейна. Последнее обстоятельство походило на предательство и подлинное отступничество племен, т. е. на то, что мы оба считали совершенно невозможным.

Я немедленно зашел к Фейсалу, и он рассказал мне о случившемся.

Турки подошли с тремя батальонами пехоты, посаженной на мулов и верблюдов. При первом же приступе они пересекли Вади-Янбу, угрожая сообщению арабов с Янбу. Они также могли свободно обстрелять Нахль-Мобарек из своих семи пушек. Однако Фейсал нисколько не испугался и бросил племя джухейна на левый фланг, чтобы оно действовало в долине. Центр и правый фланг он сосредоточил у Нахль-Мобарека и послал египетскую артиллерию отрезать туркам дорогу на Янбу. Затем он открыл огонь из двух собственных пятнадцатифунтовых.

Расим, сирийский офицер, в прошлом командир батареи в турецкой армии, управлял этими пушками и превратил их выстрелы во внушительную демонстрацию. Пушки прислали в подарок из Египта, где полагали, что для диких арабов пригодна всякая старая дрянь. У Расима не было ни прицельных приспособлений, ни дальномеров, ни таблиц стрельбы, ни разрывных снарядов. Он мог бы брать прицел до шести тысяч ярдов, но взрывные трубки его шрапнелей являлись древностями еще времен бурской войны, совершенно заплесневевшими, и если они даже разрывались, то иногда еще в воздухе, а часто даже при прикосновении. Однако, если бы дела приняли дурной оборот, он не мог бы увезти все снаряжение, и потому брал все быстротой и натиском, покатываясь от смеха над таким способом ведения войны, а арабы, видя веселость командира, сами воодушевлялись.

– Хвала Аллаху, – сказал один из них, – это настоящие пушки. Важно, чтобы они шумели!

Расим клялся, что турки погибали кучами, и ободренные его словами арабы с жаром бросились в атаку.

Дела шли хорошо, и у Фейсала появилась надежда на решительный успех, когда внезапно левый фланг заколебался и остановился в нерешительности. Под конец он показал спину неприятелю и беспорядочно отступил к лагерю. Фейсал, находившийся в центре, галопом примчался к Расиму и крикнул тому, что племя джухейна разбито и что он должен спасти пушки. Расим запряг их и пустился рысью прочь. За ним устремились войска. Фейсал и его челядь составляли тыл, они осмоторительно двинулись к Янбу, оставив на поле битвы племя джухейна под начальством его вождя, ишана Абд эль-Керима, моего прежнего проводника.

Когда я дослушивал этот печальный конец и вместе с Фейсалом проклинал измену братьев Бейдави, у дверей поднялась суматоха, и Абд эль-Керим пробился сквозь толпу рабов, кинулся к балдахину, поцеловал в знак приветствия шнуры головного покрывала Фейсала и сел возле нас. Фейсал, затаив дыхание, взглянул на него и спросил:

– Ну, как?

Абд эль-Керим рассказал про смущение, возникшее при внезапном бегстве Фейсала, и про то, как он с братом и доблестными соплеменниками всю ночь сражались с турками, одни, без артиллерии, пока не стало невозможным удерживать пальмовую рощу, и им также пришлось отступить. Его брат, с половиной всех мужчин племени, как раз входит сейчас в ворота города. Остальные рассеялись вверх по Вади-Янбу в поисках воды.

– А зачем ты отступил к лагерю в тылу нас во время битвы? – спросил Фейсал.

– Только для того, чтобы приготовить себе чашку кофе, – сказал Абд эль-Керим. – Мы сражались от восхода солнца до сумерек, очень устали и очень хотели пить.

Мы с Фейсалом покатались со смеху. Затем мы пошли посмотреть, что можно было предпринять для спасения города.

Янбу на вершине гладкого кораллового рифа возвышался приблизительно на двадцать футов над морем и с двух сторон омывался водой. Другие две стороны смотрели на ровные пространства песков, лишенных на многие мили всякого прикрытия и совершенно безводных.

При дневном свете, защищаемое артиллерийским и пулеметным огнем, это место должно было быть неприступным.

Артиллерия прибывала каждую минуту. Бойль, как и обычно, сделал больше, чем обещал, и менее чем в двадцать четыре часа сосредоточил возле нас пять военных судов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.